Лика Сумеречная

Мой муж — Некромант

(и это проблема)

Лика Сумеречная

Мой муж – некромант и это проблема

«Автор»
2026

Сумеречная Л.

Мой муж – некромант и это проблема / Л. Сумеречная — «Автор», 2026

Казалось бы, что может пойти не так? Абсолютно всё! Когда в твоем доме живут скелет-дворецкий с мечтой открыть ресторан, козел, командующий зомби, и ворон-сплетник, который знает все секреты — о спокойной жизни можно забыть. А когда на горизонте появляется Королевская охота на нечисть, а бывшая невеста мужа решает вернуть его любой ценой — становится совсем весело.Но главная проблема даже не в этом. Главная проблема в том, что наш фиктивный брак вдруг перестал быть фиктивным. Кажется, я влюбилась в этого мрачного типа. А он, похоже, тоже...

© Сумеречная Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Брачный контракт по объявлению 5
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Лика Сумеречная
Мой муж – некромант и это проблема

Глава 1. Брачный контракт по объявлению

– …и вот с тех пор, как она начала варить этот свой борщ, – жаловался призрак, нервно перебирая прозрачными пальцами край моего рабочего стола, – я просто не нахожу себе места. Вернее, нахожу, но везде этот запах!

Я подавила вздох и поправила очки. Третья жалоба за утро, а солнце только-только выползло из-за холмов. Призрак Прасковьи, бывшей прачки, а ныне основного поставщика новостей с того света, выглядел встревоженным. Обычно она являлась с жалобами на сквозняки в склепе или на то, что новые жильцы кладбища слишком шумно стонут по ночам. Но сегодня было что-то новенькое.

– Вы хотите сказать, что чувствуете запах борща? – уточнила я, на всякий случай записывая в тетрадь: *«Прасковья, обострение обонятельных галлюцинаций»*. – Призраки же не должны чувствовать запахов. Это физиология, вернее, её отсутствие.

– А я откуда знаю? – возмутилась Прасковья. – Вы тут специалист по призракам, Ярослава Викторовна! Я вообще-то в прачечной работала, а не в институте благородных девиц. Но факт остаётся фактом: является этот запах ко мне прямо в склеп, и всё тут! Капуста, свёкла и… и что-то ещё. Может, это у меня несварение?

– У призраков не бывает несварения, – терпеливо объяснила я, подливая в чашку с благовониями ещё немного полыни. Это помогало призракам расслабиться и не так нервничать. – У вас нет желудка.

– А голова у меня есть! – парировала Прасковья. – И в ней теперь этот борщ! Я уже и к соседям ходила, к Семёнычу. Говорю, может, это ты, старый пень, капусту на том свете квасишь? А он только зубами стучит и на стену показывает. Короче, Ярослава Викторовна, делайте что-нибудь. Я так больше не могу. Я лучше снова в прачечную пойду, чем от запаха борща страдать.

Я вздохнула уже более глубоко и обречённо. Вот за что я люблю свою работу? За разнообразие. Никогда не знаешь, с чем придет пациент. Живые приносят переломы, простуду и укусы магических животных. Мёртвые – жалобы на сквозняки, шумных соседей и, как выяснилось, навязчивые запахи чужой стряпни.

– Хорошо, Прасковья, – я открыла шкафчик с зельями и достала пузырёк с мутноватой жидкостью. – Вот это настойка полыни с добавлением мяты и… кое-чего ещё. Выпейте. Для призраков это как успокоительное. По идее, должно притупить восприятие.

– По идее? – прищурилась Прасковья. – А если не поможет?

– Тогда будем думать дальше, – я пожала плечами. – Может, переселим вас в другой склеп. Подальше от кухни той… хозяйки борща.

Прасковья схватила пузырёк, на удивление ловко для бесплотного духа, и, пробормотав что-то о качестве медицинского обслуживания на том свете, растворилась в воздухе, оставив после себя лёгкое дуновение холодного воздуха и запах старого белья.

Я откинулась на спинку стула и позволила себе минуту слабости. Тишина. Благословенная тишина. За окном моего небольшого домика на окраине городка Белые Камни лениво переругивались вороны, где-то вдалеке мычала корова, а из приюта, который пристроился сбоку, доносилось утробное урчание – это Нюхач, помесь таксы и неизвестно чего, пытался добраться до припрятанной кости.

Обычное утро обычной ведьмы-целительницы в самом обычном городе.

Я сняла очки и потерла переносицу. В свои двадцать семь я успела многое: закончить Академию Целительских Искусств, открыть собственную практику, вылечить всех призраков на трёх ближайших кладбищах и организовать приют для магических животных, которых никто не хотел брать. Например, Нюхач. Или вон та трёхглазая курица в загоне – её хотели пустить на суп, потому что она смотрела слишком пронзительно. А она просто близорукая была!

Жизнь была… спокойной. Может быть, даже слишком спокойной для ведьмы. Но меня это устраивало. Я не любила приключений. Я любила, чтобы всё было предсказуемо: пациенты, зелья, счета за ингредиенты.

Поэтому, когда дверь с грохотом распахнулась и на пороге возникла моя бабушка, я внутренне сжалась. Бабушка Изольда – это никогда не было предсказуемо.

– Яся! – бабушка была в своём обычном амплуа: цветастая юбка до пят, разноцветные платки на голове, в зубах дымится трубка, а в руках – свежий номер газеты «Белые Камни. Вестник». – Ты почему ещё не замужем?

– Доброе утро, бабушка, – осторожно сказала я, на всякий случай отодвигая подальше склянку с сонным зельем. – Чаю?

– Какое там чаю! – бабушка плюхнулась на стул, с которого только что испарилась Прасковья, даже не заметив лёгкого холодка. – Я тут такое прочитала! Смотри!

Она ткнула пальцем в газету. Там, в разделе «Частные объявления», было обведено жирной красной линией.

«Молодая, привлекательная ведьма (целительница, без вредных привычек, кроме любви к призракам) ищет спутника жизни. Любовь до гроба не гарантируется, но скидка на зелья и магическую помощь – да. Обращаться по адресу: улица Цветочная, дом 13, после захода солнца (днём я работаю).»

Я перечитала объявление ещё раз. Потом ещё.

– Бабушка, – мой голос звучал подозрительно спокойно. – Это что?

– Объявление, – довольно кивнула бабушка, выпуская колечко дыма. – Очень удачное, я считаю. «Любовь до гроба не гарантируется» – это особенно тонко. Честно, но с юмором. Мужчины это любят.

– Бабушка, – повторила я, чувствуя, как где-то глубоко внутри закипает тот самый ведьмин огонь, который я так старательно в себе гасила. – Ты дала объявление о моём замужестве? Без моего ведома?

– Ну не сама же ты дашь, – резонно заметила бабушка. – Ты только и делаешь, что лечишь этих своих… духов и зверей. Когда тебе знакомиться? Вон, даже женихи перевелись. Последний нормальный парень, кузнец, и тот женился на дочери пекаря, потому что она ему пирожки носила. А ты что носишь? Настойки от кашля?

– Это очень полезные настойки, – машинально возразила я.

– Вот именно! – бабушка торжествующе ткнула в меня трубкой. – Ты хорошая, добрая, полезная. А мужикам, Яся, нужна не только польза. Им нужна загадка! Страсть! Чтобы коленки дрожали!

– У меня от твоих новостей коленки дрожат, – честно призналась я. – Бабушка, немедленно забери объявление обратно!

– Поздно, – бабушка развела руками. – Газета вышла сегодня утром. Тираж уже разлетелся. К тому же… – она хитро прищурилась. – Я там ещё кое-что дописала. От себя.

– Что именно? – с ужасом спросила я.

– Ну, что ты приветливая, хозяйственная, и что у тебя отличное приданое, – бабушка задумчиво почесала трубку. – И что призраки тебя обожают. Это же плюс, правда? Значит, с тобой и на том свете не страшно.

– О, богиня, – простонала я, пряча лицо в ладонях. – Призраки меня обожают. Каждый мужчина мечтает о жене, которую обожают призраки.

– Не капризничай, – отрезала бабушка. – И вообще, я уже пошла. У меня сегодня встреча с Советом Старейшин. Будем решать, что делать с провалом на Южном кладбище – там опять земля проседает, гробы наружу лезут. А ты жди гостей. И оденься прилично!

– Я всегда одета прилично! – крикнула я вслед, но бабушка уже исчезла за дверью, оставив после себя запах табака и ощущение надвигающейся катастрофы.

Я уставилась на газету. «Любовь до гроба не гарантируется». Гениально. Просто гениально. Кто вообще в здравом уме клюнет на такое объявление? Обычный мужчина прочитает и побежит в другую сторону. А ненормальный…

Додумать я не успела, потому что в окно влетел ворон.

Не простой ворон, конечно. Простые вороны так не влетают – они сначала стучатся, потом ждут, потом вежливо интересуются, можно ли войти. Этот влетел с таким видом, будто он здесь хозяин, уселся на спинку стула, который только что покинула бабушка, и уставился на меня одним глазом. Потом другим. Потом снова первым.

– Ты кто? – спросила я, потому что с магическими существами лучше сразу прояснять отношения.

– Я Когни, – представился ворон. Голос у него оказался низким, каркающим и до неприличия самодовольным. – Я тут вообще-то по делу. Разведка местности. Хозяин скоро будет.

– Какой хозяин? – насторожилась я.

Ворон картинно вздохнул, словно устал объяснять прописные истины.

– Ну вы даёте. Сами объявление дали, а теперь не знаете. Хозяин мой, Вельзевул. Главный некромант королевства. Между прочим, очень занятой некромант. Двести лет в обед. Холост. Без вредных привычек, если не считать привычки воскрешать мёртвых по понедельникам.

Я моргнула.

– Простите, кто?

– Вельзевул, – терпеливо повторил ворон. – Но для своих – Зев. Можете так и называть. Только не в лицо. В лицо лучше «господин главный некромант». Или «ваше мрачное величество». Он любит, когда с почтением. – Ворон склонил голову набок, оценивающе меня разглядывая. – А вы ничего так. Для ведьмы. Симпатичная. Хотя, по-моему, у вас на носу веснушки. Хозяин к веснушкам как относится… надо будет проверить.

– Постой-постой, – я встала, чувствуя, что ситуация окончательно выходит из-под контроля. – Какое объявление? Какое «ваше мрачное величество»? Я не давала никакого объявления! Это бабушка пошутила!

– Бабушка? – оживился ворон. – А она симпатичная? Замужем?

– Она моя бабушка, – отрезала я. – Ей семьдесят три.

– Прекрасный возраст, – мечтательно протянул Когни. – Столько всего можно рассказать, столько сплетен собрано… Но мы отвлеклись. Хозяин прочитал объявление и заинтересовался. Он вообще последние лет пятьдесят собирался жениться, но всё как-то не складывалось. То невеста сбежит на рассвете, то родственники против, то скелеты в шкафу, в прямом смысле. А тут вы. Призраки, говорите, вас обожают?

– Слушай, Когни, – я попыталась говорить спокойно и рассудительно. – Это ошибка. Объявление – это ошибка моей взбалмошной бабушки. Мне не нужен муж. Тем более некромант. Тем более главный некромант королевства, которому двести лет!

Ворон наклонил голову к другому боку.

– А вы не расистка, случайно? Некроманты тоже люди. Ну, почти. Некоторые даже очень приятные в общении, если не затрагивать тему кладбищ.

– Я не расистка! – возмутилась я. – Я вообще всех лечу: и людей, и животных, и призраков! Но выходить замуж за незнакомого человека…

– Некроманта, – поправил Когни.

– …за незнакомого некроманта, который, судя по имени, назван в честь демона, я не собираюсь!

– Вообще-то Вельзевул – это древнее имя, – наставительно произнёс ворон. – Означает «повелитель мух». Но хозяин мух не любит. Они мёртвое мясо портят. Так что не переживайте.

Я открыла рот, чтобы выдать всё, что думаю о повелителях мух и их наглых воронах, но в этот момент в дверь постучали.

Не постучали даже – скорее, обозначили своё присутствие. Три глухих, тяжёлых удара, от которых, кажется, дрогнули стёкла в окнах, а Нюхач в приюте истерично залаял.

– О, – оживился Когни, расправляя крылья. – А вот и хозяин. Ну, я полетел, встречу его, покаркаю что-нибудь приветственное. А вы причешитесь, что ли. А то лохматая.

И он вылетел в окно, оставив меня в состоянии полного ступора.

Дверь снова содрогнулась от удара. Три раза. Мерно. Тяжело. Как будто по ту сторону стояла сама смерть и вежливо интересовалась, можно ли войти.

Я глянула на себя в зеркало. Растрёпанные русые волосы, собранные в небрежный пучок. Старый рабочий халат, заляпанный настойками. На носу – и правда веснушки, которые я терпеть не могла.

В дверь постучали снова. Теперь уже четыре раза.

– Иду! – крикнула я, лихорадочно пытаясь стянуть халат и соображая, есть ли у меня время переодеться.

Судя по тому, как настойчиво стучали, времени не было.

Я распахнула дверь и…

…и мир вокруг стал чуточку тише.

На пороге стоял он.

Высокий. Очень высокий. Настолько высокий, что ему пришлось слегка наклонить голову, чтобы заглянуть в мою скромную прихожую. Чёрные, как смоль, волосы, забранные в низкий хвост. Бледная кожа – не больничная бледность, а именно та, которая бывает у тех, кто слишком много времени проводит в местах, куда солнце заглядывает редко. Глаза – тёмно-серые, почти чёрные, смотрели внимательно и чуть устало. Одет он был во всё чёрное: длинное пальто, идеально вычищенное, сапоги, рубашка. На пальце – массивный перстень с чёрным камнем, в котором, кажется, что-то шевелилось.

И самое главное.

Прямо за его спиной, на дорожке, ведущей к моему дому, лежала дохлая муха. Потом ещё одна. И ещё. Целая дорожка из дохлых мух, словно кто-то прошёл и разбросал их как конфетти.

– Здравствуйте, – сказал он.

Голос оказался под стать внешности: низкий, глубокий, чуть хрипловатый. Такой голос мог бы принадлежать либо оперному певцу, либо тому, кто привык командовать армиями скелетов.

– Я по объявлению, – добавил он и, помедлив, уточнил: – Простите, что без цветов. Они в моём присутствии не выживают.

Я сглотнула.

Сзади, где-то в приюте, Нюхач завыл особенно душераздирающе. Курица с тремя глазами, кажется, упала в обморок.

А я стояла и думала: бабушка, ну зачем? Зачем ты это сделала?

Вслух же я сказала только одно:

– Чай будете?

•••

Двести лет – это очень, очень долго.

Вельзевул, главный некромант королевства, повелитель Теней, Хранитель Порога и прочая, и прочая (полный титул занимал три страницы мелким почерком), сидел в своём кабинете и смотрел в окно.

За окном был идеальный порядок. Аккуратно подстриженные тисы. Чёрные розы, выведенные специально для него полвека назад (цвели только в полнолуние и пахли ладаном). Дорожка, посыпанная белым мрамором. Ни одного сорняка. Ни одной живой души.

Скука.

Зев вздохнул и перевёл взгляд на противоположную стену. Там висел портрет его прапра-пра-племянницы, которая всё ещё была жива и здравствовала, но выглядела старше его. Неловко вышло. Он перестал ездить к родственникам лет сто назад – слишком уж тягостно было смотреть, как они стареют, угасают, уходят… а он остаётся.

– Хозяин, вы опять вздыхаете, – раздалось откуда-то сверху. – Так и склеп сыростью покрыться может.

Когни сидел на люстре и чистил перья. Люстра была древняя, фамильная, доставшаяся ещё от первого владельца замка. Говорили, что она помнит самого первого некроманта. Когни помнил всех. Потому что Когни был не просто вороном, а вороном-фамильяром, привязанным к роду Вельзевулов уже лет триста. Кого он только не пережил.

– Когни, – устало отозвался Зев, – тебе не кажется, что всё это бессмысленно?

– Что именно? – уточнил ворон, перебирая в памяти последние сплетни. – Власть над мёртвыми? Бессмертие? Или новый сорт чёрного чая, который вы вчера выписали?

– Всё, – Зев обвёл рукой кабинет. – Замок. Титул. Долг. Ещё сто лет такой жизни, и я сам лягу в гроб и попрошу меня не будить.

– Ну, лечь вы всегда успеете, – философски заметил Когни. – А пока лежите, можно подумать, чем себя занять. Может, хобби завести? Ну там, вышивать крестиком? Или зомби-футбол? Говорят, в северных землях мёртвые головы неплохо пинаются.

– Когни.

– Или путешествия! – не унимался ворон. – Вы ж не были на восточном побережье лет пятьдесят. Там, говорят, новый храм построили. Мёртвые местные очень недовольны – им вид на море загородили.

Зев молчал. Он уже перепробовал всё. Путешествия, коллекционирование редких артефактов, даже живопись (он писал мёртвую природу – буквально: яблоки, груши и однажды натюрморт с дохлой селёдкой). Ничто не приносило удовлетворения.

Он устал. Устал быть бессмертным в мире, где всё умирает. Устал смотреть, как уходят те, кого он успевал полюбить. Устал от одиночества в огромном замке, где даже призраки были настолько старыми, что давно разучились разговаривать и только тихонько постанывали по углам.

– Жениться, что ли, – пробормотал Зев в пространство.

– Что?! – Когни чуть не свалился с люстры. – Простите, хозяин, у меня, кажется, слуховая галлюцинация. Вы сказали «жениться»?

– Сказал, – Зев поморщился. – Не делай вид, что не расслышал. Ты слышишь мышей за три версты.

– Жениться, – повторил Когни смакуя слово, словно пробовал редкое лакомство. – Жениться! На ком? На тёмной леди из соседнего замка? Она, конечно, красивая, но у неё характер – хуже чем у разозлённого лича. Или на той вампирше из столицы? Так она только по ночам просыпается, днём с ней не поговоришь.

– На живой, – уточнил Зев.

Тишина повисла в кабинете такая, что даже призраки перестали стонать.

– На… живой? – переспросил Когни осипшим голосом. – Хозяин, вы это… того? Не перегрелись? Солнечный удар? Хотя откуда у нас в замке солнце…

– Я в своём уме, – отрезал Зев. – Просто подумал: может, в этом и дело? Вокруг меня всё время либо мёртвые, либо те, кто вот-вот умрёт. А может, нужна живая. Настоящая. Которая будет спорить, возмущаться, смеяться… – Он запнулся. – Которая не будет бояться.

– Бояться вас все будут, – резонно заметил Когни. – Вы когда последний раз улыбались? Лет семьдесят назад? Вот я и говорю. А ещё у вас аура. Знаете, какая у вас аура?

– Какая?

– Могильная, – вздохнул ворон. – Я, конечно, понимаю, что для некроманта это нормально, но живые существа от неё… ну, скажем так, чувствуют дискомфорт. Вон, третьего дня новая горничная уволилась. Говорит, у неё от вашего присутствия цветы в комнате вянут. А цветов у неё не было. Она просто образно выражалась.

Зев промолчал. Он знал о своей ауре. Знал, что мухи дохнут, что собаки воют, что дети прячутся. Знал и ничего не мог с этим поделать. Таков уж удел главного некроманта.

– Да и где вы живую найдёте? – продолжал Когни, входя во вкус. – По объявлению, что ли?

Зев вдруг замер.

– А что?

– Что – что? – не понял ворон.

– По объявлению. Разве так не делают? Дают объявление в газету, и приходят желающие.

Когни открыл клюв. Потом закрыл. Потом снова открыл.

– Хозяин, вы серьёзно? Вы – главный некромант королевства, владыка трёх кладбищ, повелитель Теней – собираетесь искать жену по объявлению? Как какой-нибудь… конюх? Или приказчик из лавки?

– А почему нет? – Зев пожал плечами. – Конюхи тоже женятся. И приказчики. И у них, между прочим, семьи есть. А у меня – замок, скелеты и коллекция заспиртованных глазных яблок.

– Заспиртованные глазные яблоки – это, конечно, аргумент в пользу женитьбы, – пробормотал Когни. – Особенно если невеста любит сюрпризы.

Зев уже не слушал. Он рылся в ящике стола, где у него хранились старые газеты (он выписывал их для изучения демографии – надо же знать, сколько потенциальных покойников в округе). Наконец он извлёк на свет свежий номер «Белых Камней. Вестника».

– Так, посмотрим… объявления… объявления… ага! – он ткнул пальцем в страницу.

Когни спикировал на стол и уставился в газету.

«Молодая, привлекательная ведьма (целительница, без вредных привычек, кроме любви к призракам) ищет спутника жизни. Любовь до гроба не гарантируется, но скидка на зелья и магическую помощь – да.»

– О, – сказал Когни. – О!

– Что скажешь? – Зев поднял взгляд на ворона.

– Во-первых, она ведьма, – начал загибать крылья Когни. – Это плюс. Ведьмы к некромантам относятся… скажем так, толерантно. Не шарахаются как от чумных. Во-вторых, целительница. Тоже неплохо, будет вас от простуды лечить. Хотя вы не болеете.

– Я не болею, – подтвердил Зев.

– В-третьих, – Когни прищурился, – «любовь до гроба не гарантируется». Это интересный пункт. Значит, либо у неё уже был неудачный опыт, либо она реалистка. А реалистки – это хорошо. От них не ждёшь вечной любви и прочей лирики.

– Мне и не нужна вечная любовь, – тихо сказал Зев. – Мне нужна… компания. Кто-то, с кем можно поговорить. Кто не будет каждый раз вздрагивать, когда я вхожу. Кто… – он запнулся, подбирая слово. – Кто будет просто рядом.

Когни посмотрел на хозяина. За триста лет он видел его разным: молодым и амбициозным, зрелым и могущественным, уставшим и циничным. Но таким… почти растерянным? Таким он видел хозяина впервые.

– И главное, – добавил Когни, снова вглядываясь в газету. – Тут написано «призраки её обожают». Это не просто так. Это значит, что она их лечит. Понимает. А значит, у неё доброе сердце.

– При чём тут сердце? – нахмурился Зев.

– При том, хозяин. Те, кого призраки любят, просто не могут быть плохими. Призраки – они ж как собаки. Чувствуют доброту.

Зев задумался. Потом решительно встал.

– Я поеду.

– Куда? – опешил Когни.

– В эти… Белые Камни. К ней.

– Прямо сейчас?! – ворон аж подпрыгнул. – Хозяин, вы в своём уме? Надо же подготовиться! Приодеться! Подарков купить! А вы как поедете? В своём обычном?

– В своём обычном, – Зев оглядел себя. Чёрное пальто, чёрная рубашка, чёрные сапоги. – А что не так?

– Всё так, – вздохнул Когни. – Вы выглядите как… ну, как главный некромант. Это и есть проблема. Может, стоит что-то более… жизнерадостное? Например, серый плащ?

– У меня нет серого.

– Или тёмно-синий?

– Тоже нет.

Когни обречённо покачал головой.

– Ладно. Едем в чёрном. Но хотя бы цветы возьмите!

– Я же говорил: цветы от меня вянут.

– Тогда… тогда что-нибудь другое! – ворон заметался по кабинету. – Конфеты? Нет, конфеты могут почернеть. Украшения? У вас есть что-нибудь, что не светится некромантией?

Зев задумался. Подошёл к сейфу, открыл его, порылся.

– Вот, – он извлёк небольшую брошь в виде серебряного листа. – Это моей матери. Она была живая. То есть, она умерла, конечно, но при жизни носила это. Тут нет магии. Просто серебро.

– Идеально! – обрадовался Когни. – Берём! И ещё… – он замялся. – Хозяин, а вы улыбаться пробовали? Ну, хоть чуть-чуть? Чтобы не пугать девушку с порога?

Зев посмотрел на ворона. Потом попытался изобразить улыбку.

Получилось жутковато. Когни поёжился.

– Ладно, не надо улыбаться. Просто… будьте собой. Только чуть-чуть помягче. Представьте, что перед вами не живой человек, а… ну, не знаю… очень ценный экспонат, который нельзя пугать.

– Попробую, – пообещал Зев.

Через час они уже летели – Зев на своём верном вороном коне по имени Сумрак (конь тоже был некромантическим, то есть, наполовину живым, наполовину… ну, вы поняли), а Когни – сверху, разведывая путь и собирая сплетни по дороге.

– Хозяин! – крикнул ворон, возвращаясь после короткой разведки. – Я тут поговорил с местными сороками. В Белых Камнях всё спокойно. Городок маленький, уютный. Целительницу эту все знают. Ярославой зовут. Ярослава Викторовна. Для своих – Яся.

– Яся, – повторил Зев. Имя показалось ему тёплым. Необычным. Слишком живым для его мира.

– И ещё, – Когни понизил голос, хотя вокруг никого не было. – Тут такое дело… я случайно подслушал разговор двух воробьёв. Они болтали, что объявление в газету дала не она. А её бабушка.

– Что? – Зев остановил коня. – То есть, она не знает?

– Не знает, – подтвердил Когни. – И, судя по всему, не в восторге от идеи. Воробьи говорят, что она вообще замуж не собиралась. Только приютом своим занимается и призраков лечит.

Зев помолчал. Потом тронул коня дальше.

– Значит, придётся её убеждать.

– Хозяин, – осторожно начал Когни. – А вы уверены? Может, ну её, эту женитьбу? Вернёмся в замок, заведём ещё пару скелетов, будем по вечерам в кости играть…

– Нет, – отрезал Зев. – Я решил.

Когни вздохнул и полетел дальше. Он знал этот тон. Когда хозяин говорил таким тоном, спорить было бесполезно. Оставалось только надеяться, что таинственная Ярослава окажется либо очень смелой, либо очень беспечной.

Городок Белые Камни показался на горизонте ближе к вечеру. Маленький, уютный, с аккуратными домиками и кривыми улочками. Где-то лаяли собаки, пахло свежим хлебом и немного – навозом, как в любом нормальном поселении.

Зев спешился у околицы. Дальше решил идти пешком – не хотел пугать местных видом всадника на полумёртвом коне.

– Сумрак, жди здесь, – приказал он.

Конь понимающе моргнул красноватым глазом и замер, превратившись в подобие статуи. Местные лошади, почуяв его, нервно заржали и начали вырываться из коновязей, но Зев этого уже не видел. Он шёл по указанной сороками дороге к дому на Цветочной улице.

– Хозяин, – Когни приземлился ему на плечо. – Я сейчас. Разведку проведу. Посмотрю, что там внутри.

И прежде чем Зев успел ответить, ворон взмыл в воздух и исчез за крышей небольшого домика.

Зев остался один.

Он постоял немного, собираясь с мыслями. Потом поправил воротник, проверил, на месте ли брошь матери, и медленно пошёл к калитке.

Дорожка к дому была усыпана белым гравием. Слева виднелся какой-то загон, откуда доносилось странное утробное урчание и время от времени – кудахтанье. Справа – небольшой садик с травами. Зев машинально отметил, что полынь здесь росла отличная, а мята – просто гигантская.

Он подошёл к двери, поднял руку… и замер.

А что, если она испугается? Что, если откажется даже разговаривать? Что, если Когни прав, и затея с женитьбой по объявлению – это полное безумие?

Зев глубоко вздохнул. Вспомнил свои двести лет одиночества. Пустые залы замка. Молчаливых призраков. Вечность без единого живого разговора.

И постучал.

Раз. Два. Три.

Тишина.

Он постучал снова. Четыре раза, на всякий случай.

И тогда дверь распахнулась.

На пороге стояла девушка. Растрёпанная, в старом халате, с веснушками на носу. Вокруг неё пахло травами и ещё чем-то тёплым, домашним, живым. Из-за её спины доносился шум – кажется, там кто-то метался и кудахтал с удвоенной силой.

– Здравствуйте, – сказал Зев.

Голос прозвучал хрипловато. Он постарался улыбнуться, вспомнив наставления Когни, но, судя по тому, как девушка слегка побледнела, улыбка вышла не очень.

– Я по объявлению, – добавил он и, помедлив, уточнил: – Простите, что без цветов. Они в моём присутствии не выживают.

Девушка сглотнула. Глаза у неё были зелёные, Зев заметил это сразу. И в них сейчас читалась целая гамма чувств: от удивления до лёгкого ужаса, а между ними – искорка любопытства.

– Чай будете? – спросила она.

И Зев вдруг понял: он не ошибся. Он пришёл по адресу.

– Буду, – ответил он и шагнул через порог.

Сзади, на крыше, довольно закаркал Когни, разнося окрестным воробьям новость: хозяин вошёл в дом ведьмы. Исторический момент, запомните, пернатые!

…

Чай.

Я предложила ему чай.

Из всех возможных реакций на появление на пороге главного некроманта королевства, чай был, наверное, самой идиотской. Но я растерялась. Честно признаться, я просто не знала, что ещё можно сказать человеку, от которого дохнут мухи.

– Спасибо, – сказал он и шагнул через порог.

И мир вокруг изменился.

Нет, правда. Я не шучу. Как только его нога ступила на половик (кстати, половик был бабушкин, с вышитыми петухами), в доме словно похолодало. Не сильно, градуса на два-три, но вполне ощутимо. Огонёк в печи, который мирно потрескивал всё утро, вдруг нервно заметался и прижался к задней стенке, как будто пытался спрятаться.

А ещё замолчали все звуки.

Нюхач, который только что надрывался в приюте, заткнулся. Трёхглазая курица перестала кудахтать. Даже сверчок за печкой, который стрекотал не переставая с прошлой осени, вдруг испуганно затих.

В наступившей тишине было слышно только, как на улице каркает этот наглый ворон. Судя по интонациям – довольно.

– Проходите, – выдавила я, понимая, что стою столбом посреди прихожей.

Некромант кивнул и прошёл в комнату.

Я смотрела, как он идёт, и ловила себя на мысли, что в этом есть что-то гипнотическое. Он двигался бесшумно, хотя на ногах были тяжёлые сапоги. Не крался, нет. Просто… его шаги не производили звуков. Как будто пол под ним прогибался и заранее замолкал.

В гостиной он остановился и огляделся. Я вдруг остро, до противного остро, увидела свою комнату его глазами.

Потёртый диван, на котором любили сидеть призраки (и который поэтому всегда был слегка влажным). Стопки книг по целительству на полу (стеллаж сломался год назад, а починить всё руки не доходили). Засушенные травы под потолком. На подоконнике – банка с пиявками (очень полезными, между прочим, магическими!). В углу – клетка с временно проживающим филином, который попал кость в горло и теперь проходил реабилитацию.

И повсюду – кошки. Три кошки, если быть точной. Две чёрных и одна рыжая, бесстыжая, подобранная на улице.

Кошки отреагировали на гостя первыми.

Рыжая, которая обычно спала на самом видном месте, вдруг подняла голову, посмотрела на некроманта круглыми глазами и… медленно, с чувством собственного достоинства, слезла с дивана и ушла под кровать. Чёрные последовали за ней, хотя одна на пороге комнаты обернулась и шикнула. На всякий случай.

– У вас кошки, – заметил некромант.

Голос у него был… ну, я уже говорила. Такой голос мог бы озвучивать пророчества или зачитывать приговоры.

– У меня всё, – честно сказала я. – Кошки, собаки, одна трёхглазая курица, ёж с повреждённой аурой и временно – лис с переломом лапы. Это приют. Я целительница.

– Да, я читал в объявлении.

Мы помолчали.

Некромант стоял посреди комнаты и, кажется, не знал, что делать дальше. Это было странно – видеть растерянность в таком человеке. В смысле, в таком некроманте. Он выглядел как тот, кто привык повелевать, командовать, внушать ужас. А тут стоял и мял в руках край своего идеально чёрного пальто.

– Вы присядете? – предложила я, чтобы нарушить тишину.

Он посмотрел на диван. Потом на меня. Потом снова на диван.

– Я могу сесть? – уточнил он. – Просто обычно, когда я сажусь на мебель… ну, она не всегда выдерживает.

– В смысле – не выдерживает? – не поняла я.

– Моя аура, – пояснил он. – Она воздействует на неживые предметы. Дерево, ткань… они быстрее стареют. Могут рассыпаться.

Я моргнула.

– То есть вы хотите сказать, что если сядете на мой диван, он развалится?

– Не сразу, – успокоил он. – Но ближе к утру – вполне вероятно.

Я посмотрела на диван. Диван был старым, бабушкиным ещё, но я его любила. На нём было удобно читать и принимать пациентов.

– Тогда, может, на стул? – предложила я, кивая на деревянный стул у стола. – Он дубовый. Должен выдержать.

Некромант послушно пересел на стул. Стул жалобно скрипнул, но устоял.

– Чай, – вспомнила я. – Я обещала чай.

Я метнулась к печи. Руки слегка тряслись, поэтому заварник я схватила не с первой попытки. В голове крутилась только одна мысль: «На моём диване сидит главный некромант. Главный. Некромант. Двести лет. На моём диване. Который скоро развалится.»

– Вам с чем? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Мёд, малина, мята? Есть зверобой, но он на ночь не очень.

– Просто чай, – ответил он. – Если можно.

Я разлила чай по кружкам. Свою взяла побольше – для храбрости. Его поставила на стол перед ним.

Некромант взял кружку. Посмотрел на неё. Потом на меня.

– Спасибо.

Он отпил. Я заворожённо смотрела, ожидая, что чай в кружке сейчас закипит, или почернеет, или превратится в нечто невообразимое. Но ничего не произошло. Он просто пил чай. Как обычный человек.

– Вы на меня смотрите, – заметил он.

– Простите, – я смутилась и уставилась в свою кружку. – Просто… не каждый день в гости заходит главный некромант.

– А часто заходят обычные люди?

– Ну, – я задумалась. – Пациенты заходят. Соседи. Бабушка. Призраки.

– Призраки, – повторил он. – Да, в объявлении было про призраков. Вы правда их лечите?

– Правда, – кивнула я. – У них тоже бывают проблемы. Головные боли – это самое частое. Ещё бессонница. Представляете, призрак не может уснуть? Это же нонсенс. Но жалуются.

– И вы лечите.

– Ну да. Травами, благовониями, разговорами. Иногда просто выслушать – уже лекарство. Призраки ведь тоже хотят, чтобы их слышали.

Некромант замер. Кружка в его руках застыла на полпути ко рту. Он смотрел на меня с каким-то новым выражением.

– Вы правда так думаете? – тихо спросил он. – Что им нужно, чтобы их слышали?

– Конечно, – я пожала плечами. – Они же не просто так тут задерживаются. У всех есть причины. Кто-то не успел сказать что-то важное, кто-то боится уходить, кто-то просто привык. Если найти причину и помочь её решить, они успокаиваются. Иногда даже уходят. Ну, знаете, ввысь, к свету, или куда там они уходят.

Я говорила и говорила, потому что молчать было страшновато, а так – вроде как занята делом. Рассказывала про Прасковью, которая боится запаха борща, про деда Семёныча, который стучит зубами, потому что потерял вставную челюсть (призрачную, да), про молодого парня, который застрял между мирами, потому что не дописал любовное письмо.

Некромант слушал. Не перебивал. Просто сидел и слушал, иногда отпивая чай.

А потом за окном раздалось громкое карканье, и в комнату влетел тот самый ворон.

– Хозяин! Хозяин! – заорал он, делая круг под потолком. – Я тут такое узнал! Вы не представляете! Местные сороки говорят, что эта ведьма… ой.

Он заметил, что я смотрю на него, и затормозил прямо в воздухе, неловко приземлившись на спинку стула.

– Здрасьте, – сказал он. – Я Когни. Мы уже виделись. Я тот ворон, который советовал вам причесаться.

– Помню, – мрачно сказала я.

– Когни, – голос некроманта стал чуть жёстче. – Мы в гостях. Веди себя прилично.

– А я что? Я прилично, – обиделся ворон. – Я вообще молчу. Я только хотел сказать, что вокруг дома собираются призраки. Штук пять, не меньше. Интересуются, чей это конь стоит у околицы и почему от него пахнет так интересно.

Я вскочила.

– Какие призраки? Где?

– Там, – ворон махнул крылом в сторону окна. – Столпились у забора, перешёптываются. Одну я узнал – тётка в переднике, прозрачная вся. Она говорит, что у неё от вашего гостя голова прошла. Впервые за сто лет не болит. И теперь она хочет познакомиться.

Я выглянула в окно. И правда. У забора толпились призраки. Прасковья, дед Семёныч, ещё пара знакомых силуэтов. Они глазели на мой дом с таким любопытством, словно здесь проходило главное событие столетия.

– Это… это потому что вы некромант, – догадалась я. – Ваша энергия… она на них действует. Как обезболивающее.

– Возможно, – спокойно согласился он. – Моя аура влияет на всё, что связано со смертью.

– На всё? – переспросила я, и тут меня осенило. – Подождите. Если ваша аура влияет на всё, что связано со смертью… то как же вы живёте? Ну, в смысле, вокруг же всё живое?

Некромант поставил кружку на стол и посмотрел на меня. В его серых глазах мелькнуло что-то похожее на грусть.

– Я живу обособленно, – сказал он. – В замке, где нет ничего живого. Или почти нет. Призраки, скелеты, зомби – они не чувствуют дискомфорта. А живые… живые обычно не задерживаются.

– Поэтому вы решили жениться по объявлению, – медленно проговорила я. – Потому что иначе никак.

– Поэтому, – кивнул он. – И потому что мне надоело быть одному.

Он сказал это так просто и так честно, что у меня вдруг защипало в носу. Представляете? Двести лет одиночества. Двести лет без живого разговора, без прикосновений, без того, чтобы кто-то просто сел рядом и выпил чаю.

– Слушайте, – я решилась. – А давайте я вам кое-что покажу.

Я встала и пошла к шкафу. Некромант поднялся следом (стул облегчённо скрипнул).

Из шкафа я достала небольшую баночку с мутноватой мазью.

– Это специальное средство, – объяснила я. – Я его для призраков делаю, чтобы они могли взаимодействовать с предметами. Но, думаю, и для вас сработает. Если нанести тонким слоем на кожу, оно нейтрализует магический фон. Ну, частично.

– Вы хотите сказать, – некромант смотрел на баночку с непередаваемым выражением, – что есть мазь, которая может сделать меня… менее смертоносным для окружающего мира?

– Ну, не менее смертоносным, – поправила я. – А менее… влиятельным. В смысле, влияющим. Попробуйте.

Он взял баночку, открыл, понюхал.

– Полынь, мята, крапива… и что-то ещё?

– Слёзы призрака, – небрежно сказала я. – Трудно добывать, но эффективно.

Некромант замер.

– Вы добываете слёзы призраков?

– Ну да. Они иногда плачят. От счастья, от грусти – по-разному. Я собираю. Это очень ценный ингредиент.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Потом осторожно, кончиком пальца, взял немного мази и нанёс на тыльную сторону ладони.

И случилось чудо.

Цветок на подоконнике, который все утро жался к стеклу и пытался завянуть, вдруг расправил листья. Кошки под кроватью перестали шипеть. Рыжая даже высунула нос и принюхалась.

– Работает, – выдохнул некромант. – Богиня, это работает.

Он посмотрел на меня так, словно я только что воскресила мёртвого. Хотя, подозреваю, мёртвых он воскрешал и сам. Но тут было другое.

– Ярослава, – сказал он. – Я… я даже не знаю, как благодарить. Это…

– Это просто мазь, – смутилась я. – Ничего особенного.

– Это не просто мазь, – твёрдо сказал он. – Это… возможность.

Он провёл рукой по воздуху, и я заметила, что вокруг его пальцев перестал виться тот едва заметный тёмный туман, который я списала было на игру света.

– Когни! – позвал он. – Смотри!

Ворон, который всё это время внимательно наблюдал за нами с люстры, спланировал вниз и уселся ему на плечо.

– Хозяин, – сказал он после паузы. – Вы светитесь. Ну, в переносном смысле. Выглядите почти живым.

– Я и есть живой, – напомнил некромант. – Просто очень старый.

– Вот именно что старый, – хмыкнул ворон. – А теперь – просто старый, без добавки «смертельно опасный». Это прогресс.

Я не выдержала и рассмеялась. Ворон был наглым, но забавным.

– Слушайте, – сказала я, – а давайте поужинаем? Я как раз собиралась что-то приготовить. Если, конечно, мазь продержится достаточно долго, чтобы еда не испортилась у вас в тарелке.

Некромант посмотрел на свою руку. Потом на меня. Потом на кухню.

– Я не ел живую еду… – он задумался. – Лет пятьдесят, наверное. Может, больше. Там, где я живу, всё быстро портится.

– Тогда тем более, – решительно сказала я. – Садитесь и не мешайте. Сейчас я вам покажу, что такое настоящий деревенский ужин.

И я принялась колдовать на кухне. В прямом смысле – колдовать. Немного магии, чтобы тесто поднялось быстрее, щепотка чар, чтобы овощи сами нарезались, заклинание чистоты, чтобы посуда мылась сама.

Некромант сидел за столом и смотрел. Просто смотрел, как я мечусь между печью и разделочным столом. Когни комментировал каждый мой шаг, но я старалась не обращать внимания.

– А вы знаете, – вдруг сказал некромант, – что у вас на спине халат порван?

Я замерла с половником в руке.

– Что? Где?

– Там, где вы, видимо, обо что-то зацепились. Сзади, у ворота.

Я попыталась заглянуть через плечо, но ничего не увидела.

– Чёрт, – выдохнула я. – И как я теперь пойду переодеваться? Это же неудобно – бросать гостя.

– Я могу отвернуться, – предложил некромант. – Или выйти.

– Нет, сидите, – махнула я рукой. – Я быстро. Только халат сниму, там под ним платье нормальное. Не смотрите пока.

Я метнулась за ширму в углу комнаты, стащила через голову старый халат и принялась лихорадочно поправлять платье. Оно было простым, шерстяным, серым – рабочая одежда, но хотя бы без дыр.

– Всё, можно, – сказала я, выходя из-за ширмы.

Некромант сидел спиной и смотрел в стену. Очень старательно.

– Я не смотрел, – сказал он. – Честно.

– Да я и не подумала, – улыбнулась я. – Вы же главный некромант, а не какой-нибудь… подглядывальщик.

– Это точно, – подтвердил Когни. – Он вообще женщин стесняется. Двести лет, а как красна девица. Я уж думал, может, ему пора…

– Когни! – рявкнули мы с некромантом хором.

Ворон захихикал и улетел на люстру.

Через полчаса на столе дымилась картошка с грибами, соленья стояли рядком, а в центре красовался свежеиспечённый хлеб. Некромант смотрел на это великолепие с таким выражением, словно перед ним выложили сокровища древних королей.

– Можно? – спросил он, как ребёнок.

– Конечно!

Он попробовал картошку. Закрыл глаза. Вздохнул.

– Это… это невероятно, – сказал он тихо. – Я забыл, каково это – есть горячее. Настоящее, живое, только что приготовленное.

– Ешьте-ешьте, – пододвинула я к нему тарелку с грибами. – У меня много.

Мы ели в тишине, и это была хорошая тишина. Не та, напряжённая, когда не знаешь, что сказать, а та, уютная, когда слова и не нужны.

Когни тоже получил свою долю – горсть хлебных крошек, которые он с достоинством склёвывал с отдельной тарелочки.

– Ярослава, – наконец нарушил молчание некромант. – Я к вам по делу.

Я напряглась. Вот оно. Сейчас начнётся.

– Я прочитал ваше объявление, – продолжил он. – И подумал… может быть, мы могли бы обсудить сделку.

– Сделку? – переспросила я.

– Мне нужна жена, – просто сказал он. – Для статуса. Для королевского двора. Для того, чтобы… ну, чтобы было. А вам, судя по объявлению, нужны деньги. На приют.

Я открыла рот, чтобы сказать, что объявление – это бабушкина инициатива и вообще я не собиралась замуж. Но потом закрыла.

Деньги на приют мне были нужны. Очень нужны. Королевский грант урезали, спонсоры разбежались, а кормить Нюхача и лечить трёхглазую курицу надо было каждый день. Я как раз думала, где бы взять золота хотя бы на новую крышу для вольера.

– И что вы предлагаете? – осторожно спросила я.

– Фиктивный брак, – ответил он. – Вы живёте в моём замке, сопровождаете меня на официальные мероприятия, создаёте видимость семьи. А я оплачиваю все расходы вашего приюта. Плюс личное содержание, разумеется.

– Фиктивный, – повторила я.

– Разумеется. Никаких… обязательств. Только договор. На год. Потом, если захотите, можете уйти. С деньгами.

Я смотрела на него. Он смотрел на меня. Когни смотрел на нас обоих и, кажется, даже дышать перестал от любопытства.

– А почему я? – спросила я. – В королевстве полно молодых девушек, которые мечтают выйти замуж. Даже за некроманта.

– Потому что вы не боитесь призраков, – ответил он. – Потому что вы их лечите. Потому что вы сделали мазь, которая позволяет мне сидеть на вашей кухне и не разрушать её. Потому что… – он запнулся. – Потому что вы первая за много лет, кто предложил мне чай, а не убежал с криками.

В его голосе было столько горечи, что мне вдруг захотелось его обнять. Я сдержалась, конечно. Но захотелось.

– Мне нужно подумать, – сказала я.

– Конечно, – кивнул он. – Я не тороплю. Могу приехать завтра. Или послезавтра. Или…

– Завтра, – перебила я. – Приезжайте завтра. Я дам ответ.

Он встал, аккуратно отодвинул стул. Поклонился. Да, представляете, поклонился. Мне.

– Благодарю за ужин. За чай. За… за этот вечер. Я давно так хорошо не проводил время.

Я проводила его до двери. Когни уселся ему на плечо и на прощание каркнул:

– Я за вас, Ярослава! Вы мне нравитесь! Если что – я на вашей стороне!

– Когни, замолчи, – устало сказал некромант.

– А что я? Я ничего…

Они ушли в темноту. Я смотрела им вслед и думала.

Некромант. Фиктивный брак. Деньги на приют. Год в замке с призраками и скелетами.

Бабушка меня убьёт. Если, конечно, сначала не скажет «я же говорила».

Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

– Ну и денёк, – сказала я вслух.

Из-под кровати осторожно высунулась рыжая кошка, посмотрела на меня и одобрительно мявкнула.

– Думаешь, хорошая идея? – спросила я.

Кошка моргнула и ушла обратно под кровать. Кошки никогда не дают прямых ответов.

…

Ночь я провела ужасно.

Ворочалась, считала призраков (своих пациентов, не тех, что толпились у забора), пила ромашку, потом валериану, потом ещё ромашку – уже с мятой. Ничего не помогало. Перед глазами стоял он. Вельзевул. Главный некромант. Двести лет одиночества. И этот взгляд… такой усталый и одновременно надеющийся. Как у пса, которого вечно гоняют, а он всё равно бежит к людям.

– Яся, ты рехнулась, – сказала я сама себе в три часа ночи. – Ты серьёзно думаешь выйти замуж за некроманта? По объявлению? Которое дала бабушка?

Внутренний голос, который обычно отвечал за благоразумие, молчал как партизан. То ли соглашался с идеей, то ли просто устал со мной спорить.

Под утро я всё-таки провалилась в тревожный сон, и мне приснилось, что я готовлю ужин на огромной кухне, а вокруг ходят скелеты и просят добавки. Мортимер (я уже мысленно называла его так, хотя ещё не знала, существует ли он на самом деле) раскланивался и предлагал попробовать его фирменный суп из крапивы. А Когни сидел на люстре и комментировал: «А вот этого жениха я одобряю. Этот жених хороший. Не то что прошлый…»

Проснулась я от того, что кто-то настойчиво стучал в дверь.

– Ярослава! Открывай! Это я!

Бабушка.

Я глянула на часы. Восемь утра. Для бабушки – практически полдень. Для меня – катастрофа, потому что спала я от силы часа три.

– Иду, – прохрипела я, накидывая халат (тот самый, с дырой, но сейчас было не до приличий).

Бабушка ворвалась в дом как ураган. Следом за ней – лёгкий запах табака и ощущение неминуемой катастрофы.

– Ну?! – с порога закричала она. – Я всё знаю! Мне сороки передали! К тебе приходил мужчина! Высокий, бледный, в чёрном! И ворон с ним!

– Бабушка, у тебя своя разведка? – простонала я, падая на стул. – Сороки, серьёзно?

– Серьёзнее некуда, – бабушка уселась напротив и впилась в меня взглядом. – Рассказывай. Кто таков? Откуда? Чего хотел? Почему ушёл, а не остался? Ты что, дура, такого мужика упустила?

– Бабушка, это тот самый, который пришёл по твоему объявлению, – устало сказала я. – Главный некромант королевства. Вельзевул. Двести лет.

Бабушка открыла рот. Потом закрыла. Потом снова открыла.

– Вельзевул? – переспросила она осипшим голосом. – Тот самый? Повелитель Теней? Хранитель Порога?

– Ты его знаешь?

– Кто ж его не знает! – бабушка аж подпрыгнула на стуле. – Ярослава, это же легенда! Он ещё при моей прабабке был главным некромантом! Про него столько историй ходит…

– Например?

– Например, что он может одним взглядом остановить сердце. Что у него в замке служат только скелеты, потому что живые не выдерживают. Что он ни разу не женился, хотя сватался к самым красивым девушкам королевства. И что у него… – бабушка понизила голос до шёпота, – у него коллекция заспиртованных глазных яблок.

– Это он сам говорил, – кивнула я. – Про яблоки.

Бабушка смотрела на меня с ужасом и восхищением одновременно.

– И ты его напоила чаем?

– Напоила.

– И он не разрушил дом?

– Я мазь дала. От фона.

– Ты… – бабушка вдруг расплылась в улыбке. – Яся, ты гений. Ты просто гений. Ты нашла подход к главному некроманту! Через мазь! Да это же… это же…

– Бабушка, он предложил мне выйти за него замуж, – перебила я. – Фиктивно. На год. За деньги на приют.

Тишина повисла в комнате такая, что было слышно, как Нюхач чешется в приюте.

– Фиктивно, – медленно повторила бабушка. – На год. За деньги.

– Да.

– И ты, конечно, отказалась?

– Я сказала, что подумаю.

Бабушка вскочила и заметалась по комнате. Я следила за ней глазами, боясь, что она сейчас начнёт крушить мебель от возбуждения.

– Подумает она, – бормотала бабушка. – Тут думать нечего! Соглашайся! Немедленно! Пока не передумал!

– Бабушка, ты вообще соображаешь? – взмолилась я. – Это некромант! У него аура смертоносная! У него в замке скелеты! И коллекция глазных яблок!

– И что? – бабушка остановилась и упёрла руки в бока. – Яся, ты ведьма или кто? Ты призраков лечишь, а скелетов испугалась? Подумаешь, скелеты. Они хотя бы не спорят и посуду за собой моют. Я читала, они очень чистоплотные.

– Откуда ты читала?

– В газете. Там статью печатали про быт некромантов. Очень познавательно. Пишут, что скелеты-дворецкие – это мечта любой хозяйки. Не едят, не спят, не воруют, только костями иногда гремят. Но к этому привыкаешь.

Я закрыла лицо руками. Бабушка была в своей стихии. Когда она входила в раж, остановить её было невозможно.

– А деньги? – наседала она. – Ты про деньги подумала? Приют твой скоро развалится! Крыша течёт, вольеры гниют, корма нет! А тут тебе предлагают полное финансирование! За то, что ты просто поживёшь в замке и пару раз сходишь на бал!

– Не просто поживу, – поправила я. – А буду изображать жену. Сопровождать на мероприятия. Создавать видимость семьи.

– И это всё? – бабушка даже разочарованно вздохнула. – А я думала, там чего-то серьёзное… ну, там, наследник нужен, или ритуал какой…

– Бабушка!

– Ладно-ладно, молчу, – она примирительно подняла руки. – Но ты подумай. Мужик он видный. Не старый (двести лет для некроманта – самый расцвет). При деньгах. При титуле. И главное – одинокий. А одинокие мужики, Яся, они благодарные. Сделаешь ему хорошо – он тебе всю жизнь потом спасибо говорить будет.

– Это фиктивный брак, – напомнила я. – Там не предполагается… хорошее делать.

– Это пока не предполагается, – загадочно улыбнулась бабушка. – А там жизнь покажет.

Я хотела возразить, но в этот момент в окно постучали.

Мы с бабушкой синхронно обернулись. На подоконнике сидел Когни и вежливо (для него) барабанил клювом по стеклу.

– Открывайте! – донеслось с улицы. – Это я, Когни! С важным сообщением!

Я впустила ворона. Он влетел в комнату, отряхнулся, окинул взглядом бабушку и присвистнул (насколько ворон может свистеть).

– О, а это кто? Красивая женщина! Замужем?

– Это моя бабушка, – представила я. – Та самая, которая дала объявление.

– Та самая! – Когни аж подпрыгнул от восторга. – Бабушка! Героиня! Да я о вас столько слышал! Местные сороки просто уши прожужжали – какая вы замечательная, какая мудрая, как вы ловко женихов сватаете!

– Присаживайся, ворон, – бабушка явно была польщена. – Чай будешь?

– С удовольствием! – Когни уселся на спинку стула. – Только без сахара, я фигуру берегу.

Пока бабушка наливала чай (ворону – в блюдечко), Когни изложил цель визита.

– Хозяин прислал меня с утра пораньше, – сказал он, макая клюв в чай. – Велел узнать, как вы спали, не передумали ли, и передать вот это.

Он вытащил из-под крыла небольшой свиток, перевязанный чёрной лентой. Я развернула.

Письмо было написано красивым, чуть старомодным почерком с завитушками.

«Уважаемая Ярослава!

Благодарю Вас за вчерашний вечер. Давно не чувствовал себя так… по-человечески. Ваша мазь творит чудеса – я провёл всю ночь в седле, и, кажется, ни одно дерево по пути не засохло. Это прогресс.

Когни передаст Вам небольшой подарок. Не сочтите за дерзость – просто хотел порадовать.

С нетерпением жду Вашего решения.

Искренне Ваш, Вельзевул.

P.S. Если решите отказаться, я пойму. Но тогда приезжайте хотя бы в гости. Мой повар (точнее, скелет, который пытается быть поваром) готовит ужасно, но Когни уверяет, что замок стоит посмотреть».

Я перечитала письмо два раза. Потом ещё раз.

– Что за подарок? – спросила я у Когни.

Ворон довольно каркнул и вытащил из-под другого крыла небольшую шкатулку. Чёрное дерево, инкрустированное серебром. На крышке – крошечный череп с рубиновыми глазками.

– Откройте, – предложил Когни.

Я открыла. Внутри лежала брошь – серебряный лист, очень простой и изящный. Никакой магии, никакого тёмного сияния. Просто красивая вещь.

– Это его матери, – пояснил Когни. – Она была живая. Брошь хранилась в семье двести лет. Хозяин никогда никому её не предлагал.

Бабушка, заглядывавшая через моё плечо, шумно вздохнула.

– Яся, – сказала она трагическим шёпотом. – Это фамильная ценность. Это тебе не просто так. Это знак.

– Знак чего?

– Того, что он серьёзно настроен, – бабушка вытерла набежавшую слезу. – Мужчины просто так фамильные драгоценности не дарят. Даже при фиктивных браках.

Я смотрела на брошь и чувствовала, как внутри что-то переворачивается. С одной стороны – это просто украшение. С другой – двести лет семейной истории. И он отдал её мне. После одного ужина.

– Когни, – спросила я. – А твой хозяин… он всегда такой? Ну, доверчивый?

Ворон задумался.

– Знаете, – сказал он наконец, – хозяин за двести лет научился одному – не доверять никому. Слишком много раз его предавали. Слишком много раз пользовались. Но когда он всё-таки решается… он открывается полностью. Как ребёнок. Это его слабость и его сила.

– И ты думаешь, я не предам?

– Я думаю, – Когни посмотрел мне прямо в глаза, – что вы первая за полвека, кто предложил ему не сделку, а чай. Не помощь, а ужин. Не услугу, а разговор. Так что нет, не предадите.

Мы помолчали.

– Ладно, – сказала я решительно. – Передай хозяину, что я согласна. Но с одним условием.

– С каким? – насторожился Когни.

– Я хочу увидеть замок. До подписания договора. Хочу знать, куда я еду. И хочу познакомиться с… экипажем. Со скелетами этими. И с призраками, если они там есть.

Когни расплылся в вороньей улыбке.

– Это можно, – сказал он. – Хозяин как раз собирался пригласить вас на экскурсию. Сказал, что стесняется приглашать, но если вы сами захотите…

– Хочу, – кивнула я. – Сегодня?

– Прямо сейчас, – Когни вскочил. – Я мигом, лечу, передаю. Ждите!

И он вылетел в окно, даже не попрощавшись.

– Ну, – бабушка довольно потирала руки. – Дело пошло!

– Бабушка, это просто осмотр, – попыталась остудить её пыл я. – Я ещё ничего не подписала.

– Подпишешь, – уверенно сказала бабушка. – Я в тебя верю. А теперь давай-ка приведём тебя в порядок. Негоже к главному некроманту ехать в халате с дырой.

Следующий час прошёл в суматохе. Бабушка гоняла меня по дому, заставляя перемерить весь гардероб. Кошки в ужасе попрятались. Нюхач выл, требуя внимания. Трёхглазая курица, почуяв суету, снесла яйцо прямо посреди двора – от волнения.

В итоге остановились на тёмно-зелёном платье, не слишком нарядном, но и не рабочем. Бабушка заплела мне косу, сунула в руки ту самую брошь (я всё-таки решила её надеть, вежливости ради) и вытолкала на крыльцо.

– Жди, – велела она. – Сказали, приедут – значит, приедут.

Ждать пришлось недолго. Через полчаса на дороге показалась карета.

Чёрная. Разумеется, чёрная. С гербом в виде черепа с костями. Лошади (четыре штуки) были воронымиы, с красноватыми глазами и слегка светящейся гривой. Карета остановилась у калитки, и дверца открылась.

– Ярослава, – раздался знакомый голос. – Садитесь. Я покажу вам ваш возможный будущий дом.

Я шагнула к карете, чувствуя спиной прожигающий взгляд бабушки и любопытные взгляды соседей, которые уже повысовывались из окон. Сплетни в Белых Камнях распространялись быстрее, чем чума.

Внутри карета оказалась на удивление уютной. Мягкие сиденья, тёплые пледы, маленький столик с чайником и чашками. И никакой могильной сырости.

– Моя мазь, – объяснил Зев, заметив мой взгляд. – Я нанёс перед выездом. Работает безупречно. Спасибо.

– Пожалуйста, – улыбнулась я.

Мы тронулись. Я смотрела в окно на проплывающие поля и перелески и думала о том, как странно всё складывается. Ещё вчера утром я лечила призрака от навязчивого запаха борща, а сегодня еду в замок к некроманту обсуждать условия фиктивного брака.

– Вы волнуетесь? – спросил Зев.

– Немного, – честно призналась я. – А вы?

– Я? – он удивился. – Я волнуюсь постоянно. Последние двести лет.

– Из-за чего?

– Из-за всего, – он пожал плечами. – Из-за того, что снова останусь один. Из-за того, что не смогу сделать кого-то счастливым. Из-за того, что моя аура… ну, вы знаете.

– С мазью же всё хорошо?

– С мазью хорошо. Но мазь – это временно. А я – навсегда.

Мы помолчали. Я смотрела на его профиль – чёткий, словно вырезанный из камня. И вдруг поняла, что за этим каменным лицом скрывается очень живой и очень ранимый человек. Некромант. Какая разница.

– А покажите мне ваш замок, – попросила я, чтобы сменить тему. – Какой он?

– Большой, – усмехнулся Зев. – Старый. Мрачный. Полный призраков, скелетов и странных вещей. Но у него есть одно преимущество.

– Какое?

– Там очень тихо. Никто не лезет в душу, не задаёт лишних вопросов, не требует невозможного. Можно просто… быть.

– Звучит заманчиво, – сказала я. – Иногда хочется просто быть.

– Вот именно, – кивнул он.

За окном начало темнеть (сказалась близость некромантических земель – солнце там появлялось реже), и вдали показались очертания замка.

Он был огромен. Чёрные стены уходили высоко в небо, башни терялись в облаках, мост через ров был поднят. Вокруг – ни души, только ветер гуляет по пустоши.

– Красиво, – выдохнула я.

– Правда? – удивился Зев. – Обычно говорят «жутко» или «страшно».

– Красиво, – повторила я. – Величественно. Как будто здесь живёт история.

Зев посмотрел на меня с тем же выражением, что и вчера – когда я дала ему мазь.

– Вы необычная, Ярослава, – сказал он тихо.

– Я просто ведьма, – отмахнулась я. – Которая любит старые здания.

Карета остановилась. Мост начал медленно опускаться – видимо, сработала магия. Мы въехали во двор, и я впервые увидела замок вблизи.

Чёрный камень, узкие окна, плющ (тоже чёрный, надо полагать, специальный сорт) обвивал стены. Во дворе – ни души, только пара воронов на ограде.

– Добро пожаловать, – Зев открыл дверцу и подал мне руку. – В мой дом.

Я ступила на каменные плиты и замерла.

Потому что прямо передо мной, выстроившись в шеренгу, стояли скелеты.

Много скелетов. Человеческих, нечеловеческих, разных размеров. Все в ливреях – чёрных с серебряной отделкой. Все держали что-то в руках: кто поднос, кто свечу, кто просто стоял по стойке смирно.

– Это встречают, – пояснил Зев. – Я предупредил, что привезу гостью. Они… стараются.

Один скелет, чуть выше остальных, в более нарядной ливрее, отделился от шеренги и подошёл к нам. Поклонился. Кости при этом издали мелодичный скрип.

– Хозяин, – сказал он голосом, который, кажется, исходил из пустоты. – Рады приветствовать вас и вашу гостью. Ужин подан, комнаты готовы, призраки предупреждены и обещали не пугать.

– Спасибо, Мортимер, – кивнул Зев. – Ярослава, познакомьтесь. Это Мортимер, мой дворецкий. Ему… сколько тебе, Мортимер?

– Триста сорок два года, хозяин, – с достоинством ответил скелет. – И я всё ещё в отличной форме.

– Очень приятно, – сказала я, чувствуя, что начинаю привыкать к абсурду происходящего. – А правда, что вы мечтаете открыть ресторан?

Скелет замер. Если бы у него были мышцы лица, он бы, наверное, удивился.

– Откуда… – начал он. – Хозяин, вы сказали?

– Я не говорил, – Зев тоже смотрел на меня с удивлением.

– Когни, – догадалась я. – Вчера за ужином болтал без умолку. Про всё на свете. В том числе про вашу мечту.

Мортимер медленно, насколько позволяли суставы, повернулся к ворону, который как раз приземлился на ограду.

– Когни, – сказал скелет тоном, не предвещавшим ничего хорошего. – Ты рассказываешь посторонним мои личные тайны?

– Она не посторонняя! – возмутился ворон. – Она потенциальная хозяйка! Пусть знает, с кем имеет дело! И вообще, твоя мечта прекрасна, чего ты стесняешься?

– Я не стесняюсь, – Мортимер поправил ливрею. – Просто это… личное.

– Мортимер, – вмешался Зев. – Ярослава – целительница. Она лечит призраков и животных. И она очень добрая. Думаю, ей можно доверять.

Скелет посмотрел на меня. Череп склонился набок.

– Вы правда лечите призраков?

– Правда, – подтвердила я. – У меня целое отделение на дому. Сегодня, например, должна прийти Прасковья с жалобой на запах борща.

– Борщ – это серьёзно, – задумчиво сказал Мортимер. – Призраки очень чувствительны к запахам. Особенно к тем, что напоминают о жизни. Я, когда был живым, тоже любил борщ. Со сметаной.

– А сейчас?

– Сейчас я не ем, – вздохнул скелет. – Но люблю готовить. Это почти то же самое.

– Мортимер, – не выдержал Зев. – Может, мы сначала в дом, а потом кулинарные воспоминания?

– Простите, хозяин, – спохватился скелет. – Прошу, госпожа Ярослава.

Он сделал приглашающий жест, и мы вошли в замок.

Внутри было… удивительно уютно. Я ожидала мрачных залов с летучими мышами и паутиной, но всё оказалось иначе. Да, стены были каменными и тёмными. Да, факелы горели каким-то зеленоватым пламенем. Но на полах лежали мягкие ковры, на стенах висели гобелены, а в воздухе пахло… выпечкой?

– Мортимер постарался, – пояснил Зев. – Узнал, что вы любите пироги с яблоками. Испек.

– Скелет испёк пироги? – поразилась я.

– Я же говорил: у него талант, – улыбнулся Зев. – Только попробовать не может. Говорит, что ему достаточно запаха.

Мы прошли в столовую – большой зал с длинным столом, накрытым на двоих. Серебро, хрусталь, свечи. И в центре – тарелка с пирогами, от которых шёл такой аромат, что у меня потекли слюнки.

– Присаживайтесь, – Зев отодвинул для меня стул. – А после ужина я покажу вам замок. Если, конечно, вы не передумали.

– Не передумала, – сказала я, садясь. – Но у меня есть вопрос.

– Слушаю.

– Этот ваш фиктивный брак… – я запнулась. – А что будет через год? Если я… ну, если я не захочу уходить?

Зев замер с вилкой в руке.

– То есть?

– Ну, – я покраснела, но решила идти до конца. – Вдруг я привыкну? Вдруг мне понравится? Вдруг я не захочу возвращаться в свой маленький домик и лечить призраков от навязчивых запахов?

Он смотрел на меня долго. Очень долго. Потом поставил вилку и сказал:

– Ярослава, я буду только счастлив, если через год вы не захотите уходить. Но я не смею на это надеяться.

– Почему?

– Потому что надежда – это самое опасное, что есть у бессмертных, – тихо ответил он. – Она делает больнее, когда всё заканчивается.

Мы помолчали. Я смотрела на него, на этого странного, могущественного и такого одинокого человека (некроманта), и чувствовала, как внутри закипает знакомая ведьминская решимость.

– Хорошо, – сказала я. – Давайте заключим договор. На год. А там посмотрим.

Зев кивнул. Взял со стола лист пергамента, который, оказывается, лежал тут же, подготовленный.

– Я подготовил проект, – сказал он. – Почитайте. Если что-то не устроит – обсудим.

Я взяла пергамент и углубилась в чтение.

Договор был составлен по всем правилам. Мои обязательства: проживание в замке, сопровождение на мероприятия, создание видимости семьи. Его обязательства: полное финансирование приюта, личное содержание, отдельные покои, полная свобода передвижения и право расторгнуть договор досрочно в любой момент.

И приписка в конце, сделанная от руки, явно позже: *«Пункт особый: Ярослава имеет право в любой момент потребовать мазь от фона, и Вельзевул обязуется наносить её столько раз, сколько потребуется, даже если это будет сто раз в день»*.

Я улыбнулась.

– Вы добавили?

– Да, – он слегка смутился. – Это важно. Чтобы вы не чувствовали дискомфорта.

– Спасибо, – сказала я. – Тогда я согласна.

Мы подписали договор. Зев поставил свою подпись с завитком, я – свою, более простую. Мортимер, приглашённый в качестве свидетеля, поставил крестик (пальцев у него всё-таки не было).

– Ну вот, – сказал Зев, когда церемония закончилась. – Теперь вы официально моя невеста.

– Фиктивная невеста, – поправила я.

– Фиктивная, – согласился он. – Но от этого не менее прекрасная.

И впервые за всё время нашей встречи он улыбнулся. По-настоящему. Не той жутковатой улыбкой, которой пугал меня вчера, а тёплой, человеческой.

Когни, сидевший на люстре, каркнул:

– А я говорил! Я же говорил! Свадьба будет! Всех приглашаю!

– Когни, – устало сказал Зев. – До свадьбы ещё неделя.

– Готовиться надо! – не унимался ворон. – Мортимер, ты меню продумал? Ярослава, ты платье выбрала? Я, кстати, знаю отличную ворону, которая шьёт потрясающие фаты…

– Когни, – теперь уже мы с Зевом хором.

Ворон захихикал и улетел под потолок.

А я смотрела на своё обручальное кольцо (его тоже подготовили заранее – чёрное серебро с маленьким бриллиантом) и думала: что же я наделала?

Но почему-то внутри было тепло и спокойно. Как будто я наконец пришла домой.

…

Неделя до свадьбы пролетела как один день.

Впрочем, день этот был насыщенным до такой степени, что я пару раз ловила себя на мысли: может, ну его, этот фиктивный брак? Но потом вспоминала обещание Зева оплатить приют, смотрела на Нюхача, который радостно вилял хвостом (и ещё чем-то, чему полагалось быть хвостом, но у Нюхача анатомия была сложная), и решала, что ради такого можно и потерпеть.

Бабушка, узнав о подписанном договоре, пришла в неописуемый восторг и немедленно взяла организацию свадьбы в свои руки.

– Традиции должны быть соблюдены! – вещала она, носясь по моему дому с блокнотом и списком. – Во-первых, платье. Во-вторых, гости. В-третьих, церемония. Яся, у тебя есть какие-то пожелания?

– Бабушка, это фиктивная свадьба, – напоминала я в двадцатый раз. – Можно просто расписаться и всё.

– Что значит «просто расписаться»?! – бабушка хваталась за сердце. – Я твою свадьбу семьдесят три года ждала! Я имею право на праздник!

– Семьдесят три года?

– Ну, последние лет пятьдесят особенно активно, – поправилась бабушка. – Так что не спорь. Будет тебе свадьба. С призраками, скелетами и прочей нечистью. Твой жених, между прочим, уже согласовал список гостей с той стороны.

– С какой «той стороны»?

– С некромантической, – бабушка махнула рукой. – Там у них свои традиции. Говорят, на свадьбах некромантов обязательно должны присутствовать призраки предков. Для благословения.

Я представила толпу призраков, поющих благословения, и мне стало не по себе. Но спорить с бабушкой было бесполезно. Когда она входила в раж, её мог остановить только прямой приказ короля, да и то – вряд ли.

Зев приезжал каждый вечер. Мы пили чай, обсуждали детали, и я потихоньку узнавала его настоящего. Оказалось, что главный некромант королевства обожает яблочные пироги, терпеть не может ложь и коллекционирует не только глазные яблоки, но и старинные книги по кулинарии – для Мортимера.

– Ему нужна поддержка, – объяснял Зев, показывая очередной фолиант с рецептами. – Он мечтает открыть ресторан, но боится, что посетители будут шарахаться.

– А вы?

– А что я? Я буду только рад. Если Мортимер откроет ресторан, у него появится цель. А у цели появится смысл. Скелеты без смысла быстро рассыпаются.

Я смотрела на него и думала: какой же он, оказывается, заботливый. Двести лет одиночества, а он думает не о себе, а о своём скелете-дворецком.

– Зев, – спросила я однажды. – А вы когда-нибудь были счастливы?

Он задумался надолго. Так надолго, что я уже пожалела о вопросе.

– Был, – сказал он наконец. – Очень давно. Когда мама была жива. Она тоже была ведьмой. Не такой, как вы – она управляла погодой. Могла вызвать дождь или разогнать тучи. Мы жили в маленьком домике у леса. Я тогда ещё не был главным некромантом, только учился. И мы были счастливы.

– А потом?

– А потом она умерла, – просто ответил он. – От старости. А я остался. И понял, что счастье – это не то, что можно удержать.

Мы помолчали. Я взяла его за руку – просто так, не думая. Он вздрогнул, посмотрел на меня удивлённо, но руку не убрал.

– Знаете, – сказала я. – Я, конечно, всего лишь деревенская ведьма. Но я знаю одно: счастье не нужно удерживать. Его нужно проживать. Каждый момент. А потом отпускать. И благодарить за то, что было.

– Вы мудрая, Ярослава, – улыбнулся он той самой тёплой улыбкой.

– Я просто много призраков слушаю, – отмахнулась я. – Они многое понимают. Особенно те, которые уже всё отпустили.

В день свадьбы погода решила нас испытать.

С утра зарядил дождь. Не простой, а какой-то особенно противный – мелкий, холодный, пронизывающий. Небо затянуло тучами так, что пришлось зажечь свет в доме.

– Это хорошая примета! – уверяла бабушка, пытаясь втиснуть меня в свадебное платье. – Дождь к богатству!

– К богатству, – мрачно согласилась я. – Особенно если утонем по дороге.

– Не утонете, – заверил Когни, прилетевший с утра пораньше с донесением. – Хозяин прислал карету. Она непромокаемая. И лошади у него специальные, болотные. Им дождь нипочём.

Платье оказалось… интересным. Бабушка где-то раздобыла старинный ведьминский наряд – тёмно-зелёный, расшитый серебряными звёздами, с длинными рукавами и шлейфом. В нём было тепло и уютно, но двигаться – почти невозможно.

– Бабушка, я в этом даже до кареты не дойду.

– Дойдёшь, – отрезала бабушка. – Красота требует жертв. И вообще, это платье твоей прапрабабки. Она в нём замуж выходила. И брак был счастливый.

– Долго?

– Ну, лет тридцать, пока её муж не помер от старости. Для того времени – отлично.

Я вздохнула и покорилась.

Волосы мне заплели в сложную косу, украсили живыми цветами (бабушка наколдовала, чтобы не вяли), на шею повесили фамильный оберег. Брошь Зева я приколола на грудь – пусть будет.

– Красавица, – довольно сказала бабушка, оглядывая результат. – Настоящая ведьма. Некромант твой слюной изойдёт.

– Бабушка!

– Что «бабушка»? Я правду говорю. Ладно, давай, жених заждался уже.

Карета и правда ждала у крыльца. Чёрная, блестящая, с гербом. Лошади фыркали, выпуская пар из ноздрей – казалось, они дышат огнём, но это просто от холода.

Дверца открылась, и я увидела Зева.

Он был в парадном чёрном костюме – расшитом серебром, с высоким воротником и множеством пуговиц. Выглядел он… потрясающе. Честное слово, у меня сердце ёкнуло.

– Ярослава, – сказал он, протягивая руку. – Вы прекрасны.

– Спасибо, – пробормотала я, чувствуя, что краснею. – Вы тоже ничего.

– Я ничего, – улыбнулся он. – Я просто некромант.

Мы поехали. Дождь барабанил по крыше, но внутри было тепло и сухо. Когни устроился на облучке рядом с кучером (скелетом, разумеется) и громко комментировал происходящее для всех воронов округи.

– Свадьба! – орал он. – Свадьба главного некроманта! Всех приглашаем! Угощение будет! Мортимер пирогов напёк!

– Когни, тише, – попросил Зев. – И без тебя все знают.

– А я что? Я ничего, – обиделся ворон. – Я просто делюсь радостью.

Церемония должна была проходить в замке. Зев объяснил, что так удобнее – не надо никуда ехать, и призракам предков легче присутствовать.

– Их много? – спросила я с опаской.

– Человек пятьдесят, – подумав, ответил Зев. – Плюс мои родители. Они очень хотели познакомиться.

– Ваши родители? – я чуть не поперхнулась. – Они же… ну…

– Мёртвые? Да. Но для призраков это не проблема. Мама сказала, что заждалась невестку. А папа пообещал не пугать гостей.

Я представила знакомство с родителями жениха, которые уже лет двести как призраки, и мне стало душно. Пришлось открыть окно.

– Всё будет хорошо, – успокоил Зев. – Они добрые. Ну, мама добрая. Папа строгий, но он только с виду.

– Легко вам говорить, – вздохнула я. – Вы их знаете.

– А вы скоро узнаете. И, обещаю, они вас полюбят. Вас нельзя не полюбить.

Это было сказано так просто и искренне, что у меня снова ёкнуло сердце.

Замок встретил нас торжественной тишиной. Дождь кончился, тучи разошлись, и даже выглянуло солнце – редкое явление в этих краях.

– Магия, – пояснил Зев. – Я попросил погоду наладиться. Для вас.

– Вы можете управлять погодой?

– Нет, – он улыбнулся. – Но могу попросить. У духов воздуха. Они иногда соглашаются.

Во дворе замка было празднично. Повсюду висели чёрные и серебряные ленты, стояли столы с угощениями (Мортимер постарался на славу), и бродили гости.

Гости были… разнообразные.

Я увидела нескольких скелетов в нарядных ливреях, пару вампиров (бледных, элегантных, с вечными бокалами в руках), трёх оборотней в человеческом обличье (но по глазам было видно, что внутри них воет волк), и множество призраков. Призраки парили над землёй, переговаривались и с интересом разглядывали меня.

– Не бойтесь, – шепнул Зев. – Они просто любопытные.

– Я не боюсь, – ответила я. – Я своих пациентов не боюсь.

И правда – призраки как призраки. Некоторые были знакомых очертаний, некоторых я видела впервые. Но все смотрели доброжелательно.

– Ярослава! – ко мне подплыла женщина в старинном платье. Прозрачная, красивая, с добрыми глазами. – Я мама Вельзевула. Можно просто Элеонора.

– Очень приятно, – поклонилась я.

– Какая милая, – Элеонора обернулась к кому-то за спиной. – Эдгар, иди сюда, посмотри!

Подошёл мужчина-призрак, строгий, в мундире, с седыми усами.

– Здравствуйте, – кивнул он. – Берегите моего сына. Он у нас… ранимый.

– Папа, – поморщился Зев.

– Что «папа»? Я правду говорю. Ты двести лет один, наконец-то нашёл кого-то. Так что, Ярослава, присматривайте за ним. Он без присмотра может в депрессию впасть.

– Буду стараться, – серьёзно ответила я.

Церемония началась, когда солнце достигло зенита.

Нас поставили под арку из чёрных роз (тех самых, что цвели только в полнолуние – для свадьбы их специально расколдовали). Ведущим был местный жрец – древний старик, который, кажется, помнил ещё прадедушку Зева.

– Дорогие гости! – начал он. – Мы собрались здесь, чтобы соединить двух любящих сердец…

Я покосилась на Зева. Он стоял прямой, как струна, и смотрел перед собой. Любящих сердец у нас не было, но жрецу об этом знать не обязательно.

Церемония шла своим чередом. Нас спрашивали о согласии, мы отвечали «да», гости одобрительно гудели. Призраки плакали (призрачными слезами, которые я мысленно приметила – пригодятся для зелий). Скелеты стучали костями в знак одобрения.

– А теперь – обмен кольцами! – провозгласил жрец.

Мортимер, который стоял рядом с подушечкой, на которой лежали кольца, сделал шаг вперёд. Поклонился. И тут случилось неизбежное.

Его правая рука, та самая, которой он держал подушечку, вдруг отделилась от запястья и упала на пол. Вместе с подушечкой. Вместе с кольцами.

– Ой, – сказал Мортимер.

В зале повисла тишина.

Кольца покатились по каменному полу. Одно звякнуло и укатилось под стол. Второе описало дугу и замерло у ног какого-то вампира.

– Артрит, – виновато пояснил Мортимер, глядя на свою руку, которая лежала на полу и всё ещё сжимала подушечку. – Последнее время обострился. Я предупреждал, хозяин.

– Предупреждал, – вздохнул Зев. – Ничего страшного.

Он наклонился, поднял кольцо из-под стола. Я подобрала второе. Вампир галантно отсалютовал бокалом.

– Бывает, – сказала я, протягивая Зеву его кольцо. – У меня однажды пациент-призрак так руку потерял. Потом нашли в сундуке с бельём.

– Правда? – Зев улыбнулся.

– Чистая.

Напряжение спало. Гости засмеялись, скелеты заскрежетали (по-видимому, это был их смех), призраки одобрительно закивали. Мортимер с достоинством поднял свою руку и попытался приладить её обратно. Получалось не очень.

– Мортимер, иди приведи себя в порядок, – распорядился Зев. – Мы справимся.

Скелет поклонился оставшейся рукой и удалился, бормоча что-то о качестве костяного клея в наше время.

Мы обменялись кольцами. Кольцо Зева было массивным, чёрного золота, с рубином. Моё – тоненькое, серебряное, с маленьким сапфиром. Они смотрелись странно, но почему-то правильно.

– Объявляю вас мужем и женой! – провозгласил жрец. – Можете поцеловаться!

Зев замер. Я замерла. Мы посмотрели друг на друга.

– Это обязательно? – шепнул он.

– По традиции – да, – шепнула я в ответ.

– Тогда… простите, если что-то пойдёт не так.

Он наклонился и поцеловал меня.

Это был лёгкий, почти невесомый поцелуй. Простое прикосновение губ. Но у меня внутри что-то ёкнуло, перевернулось и встало на место.

Гости зааплодировали. Скелеты застучали костями. Призраки запели.

Призраки, надо сказать, пели своеобразно. Они выбрали блюз – медленный, тягучий, заунывный. Мама Зева, Элеонора, выводила особенно душещипательные рулады о любви до гроба и после.

– Мама всегда мечтала спеть на моей свадьбе, – пояснил Зев, не отрывая взгляда от меня. – Двести лет ждала.

– Красиво поёт, – соврала я.

На самом деле призрачный блюз напоминал звуки, которые издают трубы, если в них залетел ветер и не может выбраться. Но ради уважения к чувствам свекрови я готова была потерпеть.

Пир начался.

Мортимер, несмотря на конфуз с рукой, накрыл столы так, что пальчики оближешь (у скелетов пальчики не оближешь, но суть ясна). Пироги, жаркое, соленья, дичь, заливное, сладости – всего было в изобилии.

– Это всё он сам? – спросила я у Зева.

– Сам. И ещё несколько скелетов-помощников. Но рецепты – его. Он каждое блюдо выверял по минутам.

– Гениально, – сказала я. – Ему точно нужно открывать ресторан.

– Я ему говорил, – вздохнул Зев. – Но он стесняется.

– Надо помочь.

Зев посмотрел на меня с удивлением.

– Вы серьёзно?

– Абсолютно. У меня есть опыт в организации. Я приют открывала почти с нуля. Если хотите, мы с Мортимером это обсудим.

– Хочу, – улыбнулся Зев. – Очень хочу.

Пир продолжался. Гости веселились. Скелеты отплясывали какой-то дикий танец, призраки парили над ними, создавая причудливые узоры. Вампиры чинно беседовали в углу, потя-

гивая что-то красное из бокалов (надеюсь, не то, о чём я подумала). Оборотни устроили соревнования по поеданию пирогов и явно выигрывали.

Когни метался между гостями, собирая сплетни и тут же их распространяя.

– А вы знаете, – каркал он, присаживаясь на плечо к очередной жертве, – что молодая хозяйка лечит призраков от головной боли? Да-да, у неё специальная мазь! А ещё она умеет варить зелья от бессонницы! Мне воробьи рассказывали!

– Когни, не надоедай гостям, – попыталась остановить я.

– Я не надоедаю! Я пиарю! – обиделся ворон. – Теперь все знают, какая вы замечательная. Это полезно для репутации.

Зев только покачал головой.

Ближе к вечеру, когда гости начали понемногу расходиться (призраки растворились в воздухе, скелеты убрали посуду, вампиры отбыли в карете с затемнёнными стёклами), мы с Зевом остались вдвоём в малой гостиной.

Горел камин. За окном темнело. Мы сидели в креслах и молчали.

– Устали? – спросил Зев.

– Есть немного, – призналась я. – Но в целом – хорошо.

– Да, – согласился он. – Хорошо. Давно у меня не было так хорошо.

– А обычно как?

– Обычно я сижу один. Мортимер приносит ужин. Когни сплетничает. И всё.

– А теперь?

– А теперь у меня есть жена, – он улыбнулся. – Фиктивная, но всё равно. С ней можно поговорить. Посидеть у камина. Выпить чаю.

– Чаю я бы выпила, – призналась я.

– Сейчас будет.

Он щёлкнул пальцами, и в дверях появился Мортимер с подносом. Рука у него была примотана бинтом к локтю, но чай он нёс уверенно.

– Ваш чай, хозяин. Госпожа. С мятой и медом, как вы любите, – последнее относилось ко мне.

– Спасибо, Мортимер, – сказала я. – И простите за руку.

– Пустяки, – отмахнулся скелет. – К вечеру прирастёт. Клей у нас хороший, некромантический. Главное – не мочить.

Мы пили чай. За окном завывал ветер. Где-то в замке бродили призраки и тихонько напевали блюз.

– Ярослава, – сказал Зев. – Можно задать личный вопрос?

– Давайте.

– Вы не жалеете?

Я задумалась. Посмотрела на него – на этого странного, могущественного, уставшего от жизни человека. Вспомнила его улыбку. Его заботу о Мортимере. Его маму-призрака, которая пела блюз.

– Нет, – ответила я честно. – Не жалею.

Зев выдохнул. Как будто боялся услышать другое.

– И я не пожалею, – сказал он тихо. – Обещаю.

В этот момент в комнату влетел Когни.

– Хозяин! Хозяйка! Там такое! – заорал он. – Я только что от воробьёв! По всему городу слухи! Говорят, что вы поженились по любви! Что вы, Ярослава, спасли его от одиночества! Что он вам всю жизнь теперь будет благодарен!

– Когни, – устало сказал Зев. – Это ты распустил слухи?

– Я? – ворон сделал невинные глаза. – Я только факты передавал. А факты, они, знаете, обрастают…

– Когни.

– Ладно-ладно, – сдался ворон. – Но это же хорошие слухи! Пусть люди верят в хорошее!

Я рассмеялась. Зев тоже улыбнулся.

– Ладно, – сказал он. – Пусть верят.

Мы допили чай. Мортимер убрал посуду. Когни устроился на люстре и затих. Замок погрузился в ночную тишину.

– Ваши покои готовы, – сказал Зев. – Я провожу.

Он довёл меня до дверей в башне – отдельной, уютной, с камином и большой кроватью под балдахином.

– Спокойной ночи, Ярослава.

– Спокойной ночи, Зев.

Он постоял мгновение, словно хотел что-то добавить, но не решился. Потом кивнул и ушёл.

Я закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и выдохнула.

– Ну вот, – сказала я пустоте. – Я замужем. За некромантом. Фиктивно.

Где-то в стене тихонько вздохнул призрак. Кажется, одобрительно.

Я улыбнулась, разделась и забралась в кровать. Перина была мягкой, одеяло тёплым, а подушка пахла лавандой.

– Спасибо, Мортимер, – шепнула я в темноту.

Где-то в замке мелодично звякнули кости. Кажется, мне ответили.

Я закрыла глаза и провалилась в сон. Самый спокойный за последние двести лет. Ну, для меня – за последние дни.

…

Я проснулась от того, что кто-то осторожно скрёбся в дверь.

Скрёбся настойчиво, но деликатно, с паузами, словно проверяя, не разбудил ли лишнего. Я приподнялась на локте и посмотрела на часы. Странные часы с маятником в виде черепа показывали половину девятого. Для замка некроманта, где ночь – основное время бодрствования, это была глубокая ночь. Для меня, деревенской ведьмы, привыкшей вставать с петухами, – уже позднее утро.

– Войдите, – хрипло сказала я.

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась костяная голова Мортимера.

– Госпожа, простите за беспокойство, – прошелестел он. – Я принёс завтрак. Хозяин велел не будить, но подумал, что вы, возможно, проголодались после вчерашнего.

– Проголодалась, – призналась я, окончательно просыпаясь. – Заходите, Мортимер.

Скелет вошёл, неся поднос. Рука, которая вчера отвалилась, сегодня была на месте и даже шевелилась вполне бодро. Видимо, клей и правда был хорош.

– Как ваша конечность? – поинтересовалась я, принимая поднос.

– Функционирует, благодарю, – Мортимер с гордостью пошевелил пальцами. – Некромантический состав номер семь. Держит лучше родных связок. Хотя, признаться, родных связок у меня уже давно нет.

На подносе обнаружились: горячий чайник, чашка, тарелка с овсяной кашей (с маслом и мёдом), булочка с корицей и маленькое яблочко.

– Это вы готовили? – спросила я, вдыхая аромат корицы.

– Так точно, – Мортимер явно был польщён интересом. – Хозяин сказал, что вы любите кашу по утрам. Я позволил себе добавить немного корицы в булочку – подумал, что это согреет вас в нашем прохладном климате.

– Спасибо, Мортимер. Вы чудо.

– Я скелет, госпожа, – поправил он, но в голосе слышалось довольство. – Но стараюсь.

Он удалился, а я принялась за завтрак. Каша была идеальной – не слишком жидкая, не слишком густая, в самый раз. Булочка таяла во рту. Чай – крепкий, душистый, явно заваренный с любовью.

«Ну вот, – думала я, жуя. – Первое утро в замке мужа. Фиктивного мужа. Который спит сейчас где-то в своих покоях, потому что некроманты, кажется, ведут ночной образ жизни».

Я вспомнила вчерашний день. Свадьбу. Поцелуй. То самое ёканье в груди. И улыбнулась.

– Спокойно, Ярослава, – сказала я себе. – Договор. Фиктивный брак. Год. Деньги на приют. Никаких чувств.

Самовнушение работало плохо, но я решила, что буду стараться.

Одевшись в простое платье (бабушка предусмотрительно собрала мне чемодан с обычной одеждой, а не только со свадебными нарядами), я решила исследовать замок. В конце концов, теперь это мой дом на ближайший год. Надо знать, где что находится.

Когни, дремавший на подоконнике в коридоре (или делавший вид, что дремал), немедленно открыл один глаз.

– О, хозяйка проснулась! – каркнул он. – А хозяин ещё дрыхнет. Некроманты, знаете ли, совы. Ложатся под утро, встают к обеду. Если, конечно, их не разбудить армией восставших мертвецов.

– Армией? – переспросила я.

– Шучу, – Когни перелетел мне на плечо. – Ну, почти шучу. Бывало пару раз. Но это по праздникам. Куда пойдём?

– Осматриваться, – сказала я. – Покажешь?

– С удовольствием! – ворон расправил крылья. – Я тут каждую щель знаю. И каждую сплетню. Кстати, хотите свежую? Вампирша с южного крыла вчера напилась на свадьбе и теперь стонет, что у неё похмелье. А у вампиров похмелья не бывает! Просто совесть мучает, потому что она съела последний пирожок с вишней, хотя обещала Мортимеру, что не тронет.

– Когни, ты не сплетничай, а показывай, – попросила я.

– И то и другое могу, – гордо заявил ворон. – Я многофункциональный.

Мы пошли по коридору. Когни комментировал:

– Слева – библиотека. Там книг тыщщи, наверное. Хозяин собирал триста лет. Есть редкие экземпляры по некромантии, а есть просто любовные романы. Он их стесняется, но читает. Я видел закладки.

– Любовные романы? – удивилась я.

– Ну да. Говорит, что это единственное место, где он может увидеть счастливый конец. В реальности-то с некромантами редко бывает счастливо.

Я промолчала, но слова запомнила.

– Дальше – картинная галерея, – продолжал Когни. – Портреты предков. Некоторые до сих пор живут в рамках. В прямом смысле. Если будете проходить мимо, не удивляйтесь, если какой-нибудь старик подмигнёт. Это дедушка хозяина, он любит пофлиртовать.

– С кем?

– Со всеми, кто в юбке, – вздохнул ворон. – Он при жизни ещё тот ловелас был. После смерти не изменился.

Мы прошли галерею, и я действительно заметила, как с одного портрета мне подмигнул седой красавец в камзоле. Я вежливо кивнула в ответ. Портрет удовлетворённо улыбнулся.

– Кухня, – Когни махнул крылом в сторону двери, откуда доносились аппетитные запахи. – Там Мортимер священнодействует. Можете зайти, если хотите, но предупреждаю – он стесняется, когда на него смотрят.

– Зайдём позже, – решила я. – Не будем мешать творчеству.

– Мудро, – одобрил ворон.

– А где покои хозяина? – спросила я.

– В северной башне, – Когни указал клювом в нужном направлении. – А что? Хотите навестить?

– Нет, просто ориентируюсь.

– Ага, – ворон хитро прищурился. – Конечно, ориентируетесь.

Мы вышли во внутренний двор. Там было пустынно, только пара скелетов подметала листву – очень тщательно, несмотря на полное отсутствие листвы (она, видимо, закончилась ещё вчера, но скелеты продолжали подметать по инерции).

– Это Бонни и Костик, – представил Когни. – Бонни – та, что с бантиком на черепе. Костик – который всё время спотыкается. У него колено слабое.

– Бонни? – я присмотрелась. На черепе скелетихи действительно красовался бантик – чёрный, в белый горошек.

– Она модница, – пояснил Когни. – Меняет бантики каждый день. У неё коллекция. Хозяин поощряет. Говорит, что даже у скелетов должна быть индивидуальность.

Бонни, заметив мой взгляд, помахала рукой. Я помахала в ответ. Она, кажется, зарделась – насколько может зардеться скелет.

– Когни, – спросила я. – А сколько вообще в замке… обитателей?

– Скелетов – двенадцать, – начал загибать крылья ворон. – Призраков – около тридцати, но некоторые живут в стенах и выходят редко. Вампиров – двое, они в южном крыле. Оборотень один – Марк, он на полставки, приходит только в полнолуние, потому что в обычные дни работает кузнецом в деревне. Ещё есть пара зомби в подвале – очень старые, безобидные, просто лежат и разлагаются. Им так нравится.

– Богато, – сказала я.

– А то, – гордо подтвердил Когни. – Целое королевство в миниатюре. И теперь у нас есть хозяйка.

Я улыбнулась. Несмотря на всю странность ситуации, здесь было… уютно. Как-то по-домашнему. Даже несмотря на скелетов и призраков.

Ближе к обеду (по моим меркам) я решила, что пора познакомиться с мужем поближе. Всё-таки мы теперь живём под одной крышей, и неплохо бы обсудить бытовые вопросы.

– Когни, проводишь к хозяину?

– Легко! – ворон встрепенулся. – Летим!

Покои Зева оказались именно такими, как я и представляла. Массивная дубовая дверь с черепами вместо ручек (черепа, кажется, были настоящими и проводили входящих недовольными взглядами). Когни постучал клювом – три раза коротко, два длинно.

– Пароль, – пояснил он. – Хозяин любит конспирацию.

– Войдите, – раздалось изнутри.

Мы вошли.

Комната была большой, но не мрачной. Высокие окна, выходящие на север (солнце сюда почти не заглядывало), массивная кровать под балдахином, письменный стол, заваленный свитками и книгами, и сам Зев – сидящий в кресле с чашкой в руках.

Он был в домашнем – чёрном халате, наброшенном на плечи, с мокрыми после душа волосами. Выглядел он… очень по-человечески. И очень привлекательно, если честно.

– Ярослава, – он явно удивился, но обрадовался. – Доброе утро. То есть, день уже, наверное. Как спалось?

– Отлично, – я присела в кресло напротив. – Мортимер накормил завтраком просто божественно.

– Он старался, – улыбнулся Зев. – Сказал, что для новой хозяйки готовить – одно удовольствие. Вы ему понравились.

– Мне кажется, я всем здесь понравилась, – усмехнулась я. – Даже черепа на двери проводили одобрительными взглядами.

– Это они с похмелья, – отмахнулся Зев. – Вчера на свадьбе перепили.

– Черепа? Перепили? – я не поверила.

– Ну, не сами черепа. Духи, которые в них живут. Они тоже любят праздники. Сейчас страдают, но к вечеру оклемаются.

Мы помолчали. Я рассматривала комнату, Зев рассматривал меня.

– Есть какие-то планы на сегодня? – спросила я.

– Вообще-то я собирался работать, – Зев кивнул на стол. – Некромантия не ждёт. Нужно проверить несколько захоронений на востоке, составить отчёты для королевской канцелярии. Скука смертная, но без этого никак.

– А я?

– А вы… – он задумался. – Делайте что хотите. Замок в вашем распоряжении. Можете исследовать, можете отдыхать, можете в лаборатории моей покопаться – там, кстати, есть ингредиенты, которые вам, как целительнице, могут пригодиться.

– Правда? – я оживилась.

– Конечно. Я много чего собирал за двести лет. Есть редкие травы, есть компоненты для зелий. Если что-то понадобится – берите без спроса.

– Спасибо, – искренне сказала я.

Мы ещё немного поболтали о пустяках, и я ушла – исследовать лабораторию. Но на пороге обернулась.

– Зев?

– Да?

– У нас ведь фиктивный брак. Но если вам что-то понадобится… ну, помощь какая-то, или просто поговорить – вы обращайтесь. Я не кусаюсь.

Он улыбнулся – той самой тёплой улыбкой.

– Спасибо, Ярослава. Обязательно.

Лаборатория оказалась сокровищницей.

Я провела там несколько часов, разбирая склянки, сортируя травы и делая мысленные заметки. Зев не врал – здесь было всё, что нужно целительнице, и даже больше. Корень мандрагоры высшего качества, сушёные светлячки (редкость!), заспиртованные глаза василиска (для укрепляющих зелий – бесценно) и даже небольшой запас слёз феникса.

– Откуда у него это? – прошептала я, держа в руках крошечный флакон с переливающейся жидкостью.

– Хозяин много где был, – раздалось за спиной.

Я обернулась. В дверях стоял Мортимер с подносом.

– Обед, госпожа, – сказал он. – Решил, что вы проголодаетесь.

– Спасибо, Мортимер. Вы просто ангел.

– Я скелет, госпожа, – напомнил он. – Но стараюсь.

Он поставил поднос на свободный угол стола и замер, глядя, как я рассматриваю коллекцию.

– Хозяин очень гордится своей лабораторией, – сказал он. – Редко кому показывает. А вам разрешил сразу.

– Потому что я целительница, – пожала я плечами.

– Потому что вы ему доверяете, – мягко поправил Мортимер. – А он – вам. Это редкость для некроманта.

Я задумалась. Действительно, Зев был со мной открыт и доверчив. Может, слишком доверчив для того, кого двести лет предавали?

– Мортимер, – спросила я. – А вы давно с ним?

– Сто двадцать лет, госпожа, – ответил скелет. – До этого я служил его отцу. Потом отец ушёл за грань, а я остался с молодым хозяином.

– И какой он?

– Хороший, – просто ответил Мортимер. – Добрый. Слишком добрый для некроманта. Раньше он часто плакал по ночам – от одиночества. Потом перестал. Говорил, что слёзы закончились. Но я знаю – они не закончились. Просто он их прячет.

У меня сжалось сердце.

– Спасибо, Мортимер, – сказала я. – За честность.

– Всегда пожалуйста, госпожа. Я пойду, не буду мешать. Обед на столе.

Он ушёл, а я долго смотрела на флакон со слезами феникса и думала о том, как много одиночества может вместить человеческое сердце. Даже если этому сердцу двести лет.

Вечером мы снова собрались у камина в малой гостиной. Зев закончил свои отчёты, я – исследования лаборатории. Мортимер принёс чай и исчез, чтобы не мешать.

– Ну как прошёл день? – спросил Зев.

– Потрясающе, – честно сказала я. – У вас такая коллекция! Я нашла слёзы феникса. Где вы их взяли?

– Путешествовал лет семьдесят назад на восток, – улыбнулся он. – Там есть острова, где фениксы гнездятся. Подружился с одним. Он иногда плакал от счастья, что мы встретились. Я собирал.

– Вы подружились с фениксом? – поразилась я.

– А что такого? Фениксы – очень общительные птицы. Особенно после того, как переродятся. У них тогда новая жизнь, новые впечатления, хочется делиться.

Я смотрела на него и не верила. Этот человек – некромант, повелитель мёртвых – дружит с фениксами. Лечит бездомных животных по ночам (Когни рассказал). Заботится о скелетах, чтобы они не рассыпались от отсутствия смысла жизни.

– Зев, – сказала я. – А вы знаете, что вы удивительный?

Он удивился.

– Я? Нет, я обычный. Просто старый.

– Нет, – покачала я головой. – Вы необычный. И я рада, что вышла за вас замуж. Даже фиктивно.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Потом тихо сказал:

– Я тоже рад, Ярослава. Очень рад.

Мы допили чай и разошлись по своим покоям. Я легла в кровать и долго смотрела в потолок, думая о странной жизни, в которой оказалась.

– Год, – сказала я себе. – Просто год.

Но где-то глубоко внутри уже зарождалась мысль, что одного года может быть мало. Очень мало.

А в это время в северной башне Зев сидел у окна и смотрел на луну.

– Когни, – позвал он.

– Да, хозяин? – ворон появился из темноты.

– Кажется, я влип, – сказал Зев. – По-настоящему влип.

– В смысле?

– В смысле – она мне нравится. Очень. Не как фиктивная жена, а как… ну, как женщина. Как человек. Как… – он запнулся.

– Как та, ради которой захочется жить дальше? – подсказал Когни.

Зев молча кивнул.

Ворон вздохнул.

– Хозяин, я вас сто лет знаю. И впервые вижу таким. Так что, может, это и к лучшему? Может, хватит уже быть одному?

– А если она уйдёт через год?

– А если не уйдёт? – резонно заметил Когни. – Вы же некромант. Привыкли всё просчитывать. А тут – не просчитаешь. Тут только рисковать.

Зев помолчал. Потом улыбнулся.

– Ты прав, Когни. Ты, как всегда, прав.

– Я умный, – довольно каркнул ворон. – И красивый. И вообще, я лучший ворон в этом королевстве. Так что слушайтесь меня, и всё будет хорошо.

…

Утро третьего дня моего замужества началось с неожиданного открытия.

Я проснулась от странного звука. Кто-то скрёбся в дверь, но не так, как Мортимер (деликатно и с паузами), а как-то хаотично, нервно, с промежуточными стуками и затиханиями.

– Кто там? – спросила я, накидывая халат.

В ответ – молчание. И снова скрежет.

Я открыла дверь. На пороге никого не было. Только на каменном полу лежало… яйцо.

Обычное куриное яйцо, если не считать того, что оно было чёрным и слегка светилось.

Я нагнулась, чтобы поднять его, и в этот момент из-за угла высунулась голова. Куриная голова. С тремя глазами.

– Ты?! – ахнула я.

Это была та самая трёхглазая курица, которую я лечила в приюте. Та, которую хотели пустить на суп из-за слишком пронзительного взгляда. Та, которую я спасла и выходила.

– Как ты здесь оказалась? – прошептала я, оглядываясь по сторонам, словно ожидая увидеть остальных обитателей приюта.

Курица гордо выпятила грудь и кудахтнула. Судя по интонации, это означало что-то вроде «сама разбирайся, я только выполняю приказ».

Из-за угла высунулась ещё одна голова. На этот раз – Нюхача. Помесь таксы и неизвестно чего радостно виляла хвостом (и тем, что росло рядом) и, кажется, была счастлива меня видеть.

– Нюхач! – я присела на корточки и обняла пса. – Ты как сюда добрался?

Нюхач лизнул меня в нос и тявкнул. Из-за угла показались остальные. Рыжая кошка (та самая, бесстыжая). Ёж с повреждённой аурой. Лис с переломом лапы (который уже почти зажил, но на всякий случай ковылял с важным видом). И даже филин, который должен был сидеть в клетке и проходить реабилитацию.

Все мои. Все здесь. В замке главного некроманта.

– Это как понимать? – раздался голос за спиной.

Я обернулась. В конце коридора стоял Зев. В халате, с мокрыми волосами (видимо, только что из душа) и с чашкой в руке. Чашка медленно наклонялась, и чай капал на пол, потому что Зев забыл, что он держит в руках.

– Это… – начала я. – Это мои пациенты. Из приюта.

– Я вижу, – медленно сказал Зев. – А почему они в моём замке?

– Понятия не имею, – честно призналась я. – Я их не звала.

Мы уставились друг на друга. Потом на зверей. Потом снова друг на друга.

Нюхач, нарушая неловкое молчание, подбежал к Зеву и радостно ткнулся носом в его ногу. Зев замер. Я затаила дыхание.

– Он… меня не боится? – удивился Зев.

– Он вообще ничего не боится, – вздохнула я. – У него с инстинктами самосохранения сложно. Он однажды облаял дракона. К счастью, дракон был пьян и не обратил внимания.

Зев осторожно, словно прикасаясь к чему-то хрупкому, протянул руку и погладил Нюхача по голове. Пёс зажмурился от счастья и перевернулся на спину, требуя почесать пузо.

– Он просит, чтобы вы почесали ему живот, – перевела я.

– Я понял, – Зев присел на корточки и принялся почёсывать. Нюхач блаженно зажмурился. – Удивительно. Обычно животные от меня шарахаются.

– Значит, мазь работает, – улыбнулась я.

– Значит, мазь работает, – согласился он.

К трём глазам курица тем временем подошла к чёрному яйцу, которое всё ещё лежало на полу, и клюнула его. Яйцо покатилось к Зеву. Курица последовала за ним, не сводя всех трёх глаз с некроманта.

– Это она вам яйцо принесла, – догадалась я. – В дар. Чтобы задобрить хозяина территории.

– Яйцо от зомби-курицы? – уточнил Зев.

– Она не зомби, – поправила я. – Она просто… трёхглазая. И немного магическая. Но яйца у неё обычные. Ну, почти обычные. Чёрные, но вкусные.

Курица согласно кудахтнула.

– Хозяйка! Хозяин! – в коридор вбежал (насколько может бежать скелет) Мортимер. – Там такое! Во дворе… ой.

Он замер, увидев зверей.

– Мортимер, – Зев поднялся. – Что во дворе?

– Там… – Мортимер нервно поправил ливрею. – Там повозка. С приютскими животными. Ещё штук десять. И бабушка госпожи.

– Бабушка? – выдохнула я.

– Бабушка, – подтвердил Мортимер. – Она говорит, что это свадебный подарок. Чтобы молодые начинали семейную жизнь с заботы о братьях меньших.

Я закрыла глаза. Зев, кажется, пытался сдержать улыбку.

– Ваша бабушка… она всегда такая? – спросил он.

– Всегда, – вздохнула я. – И становится только хуже с возрастом.

Мы спустились во двор. Картина маслом: посреди каменных плит стояла телега, доверху гружёная клетками, коробками и мешками с кормом. Вокруг суетились скелеты, пытаясь помочь с разгрузкой и явно не понимая, как обращаться с живыми существами. Бонни (с бантиком на черепе) держала в руках клетку с двумя кроликами и растерянно моргала пустыми глазницами.

– Не туда! – кричала бабушка, размахивая трубкой. – Клетки с птицей – налево, с грызунами – направо! Собакам нужен выгул, где тут у вас выгул?

– Бабушка! – я подбежала к ней. – Ты что творишь?

– Яся, дорогая! – бабушка радостно обняла меня. – Поздравляю с замужеством! Вот, решила сделать подарок. Чтобы тебе не скучно было в этом замке.

– Мне и так не скучно! Тут призраки, скелеты, коллекция глазных яблок…

– Тем более, – отрезала бабушка. – Животные добавят уюта. К тому же, приют на время твоего отсутствия закрыт. Я не могу за всеми уследить. А тут и ты при деле, и звери при тебе.

Зев, который всё это время стоял рядом и наблюдал за происходящим, вдруг шагнул вперёд.

– Уважаемая Изольда, – сказал он. – А сколько всего животных?

– Двенадцать кошек, – начала перечислять бабушка. – Пять собак. Три курицы (вместе с той, что уже здесь). Два кролика. Ёж. Лис. Филин. И один козёл. Но он ручной.

– Козёл? – переспросил Зев.

– Ну да. С бородой. Очень умный. Сам открывает клетки, пришлось запереть отдельно.

Я смотрела на мужа, ожидая любой реакции. Гнева, раздражения, недоумения. Вместо этого Зев вдруг улыбнулся – широко, почти по-детски.

– Знаете, – сказал он. – В этом замке давно не было так… живо.

– Простите? – не поняла я.

– Живо, – повторил он. – В смысле – жизни. Здесь веками были только мёртвые. И вдруг – столько живых существ. Это… непривычно. Но приятно.

– Вы не против? – уточнила я на всякий случай.

– Я? – Зев посмотрел на меня. – Ярослава, это теперь и ваш дом тоже. Если вы хотите, чтобы здесь жили ваши пациенты – пусть живут. Только… – он замялся. – Только надо их как-то разместить. И объяснить скелетам, что с ними делать.

– Мортимер! – позвала я.

Скелет подбежал мгновенно.

– Слушаю, госпожа.

– У нас пополнение в хозяйстве, – сказала я. – Нужно организовать размещение. Кошки могут жить в южном крыле, там тепло. Собакам нужен выход во двор. Курицам – насест. С остальными разберёмся по ситуации.

– Будет сделано, госпожа, – кивнул Мортимер и тут же начал раздавать указания скелетам. Те засуетились с утроенной энергией.

Бабушка довольно наблюдала за происходящим.

– А твой муж – ничего, – сказала она мне вполголоса. – Совсем не страшный. И с животными поладил. Смотри, как Нюхач к нему привязался.

Я обернулась. Нюхач действительно сидел у ног Зева и смотрел на него с обожанием. А Зев… Зев чесал пса за ухом и чему-то улыбался.

– Он вообще удивительный, – сказала я тихо.

– Влюбилась? – проницательно прищурилась бабушка.

– Бабушка!

– Ладно-ладно, молчу. Но глазки-то горят.

Я отвернулась, делая вид, что очень занята разгрузкой телеги.

Размещение животных заняло весь день.

Скелеты, привыкшие иметь дело только с неживыми предметами, сначала отнеслись к задаче с некоторым недоумением. Бонни пыталась налить воды в миску для кошек и пролила половину, потому что забыла, что миска должна стоять на полу, а не висеть в воздухе. Костик споткнулся о кролика и рассыпался – пришлось собирать.

– Ничего, – утешал их Мортимер. – Привыкнут. Живые существа – они тоже ничего. Только тёплые и пахнут странно.

К вечеру всех разместили. Кошки облюбовали южное крыло, где было теплее всего, и уже через час вели себя как хозяева положения, развалившись на старинных креслах. Собаки получили бывшую караульную комнату с выходом во двор. Курицы – пустующую башенку (туда даже пришлось таскать солому и сооружать насесты). Кролики поселились в кладовке, где раньше хранились овощи – Мортимер сказал, что им там будет уютно.

– А козёл? – спросила я.

– Козёл в подвале, – доложил Мортимер. – Там прохладно, и он, кажется, нашёл общий язык с зомби.

– С кем?

– С зомби, – повторил Мортимер. – У нас в подвале живут два очень старых зомби. Им около двухсот лет, они уже почти не двигаются, просто лежат и разлагаются. А козёл к ним пришёл, лёг рядом и тоже лежит. По-моему, они подружились.

Я представила эту картину и решила, что пока не готова её увидеть.

– Потом как-нибудь, – сказала я. – Спасибо, Мортимер.

Вечером мы снова собрались у камина. Точнее, попытались собраться, потому что теперь в гостиной было не протолкнуться. Кошки оккупировали все кресла. Нюхач устроился на ковре у камина и грелся. Филин сидел на люстре и сверкал глазами. Ёж свернулся клубком в углу.

– Уютно, – сказал Зев, оглядывая это столпотворение.

– Правда? – я сомневалась.

– Правда, – кивнул он. – Раньше здесь было тихо и пусто. А теперь… теперь как будто жизнь появилась. Настоящая.

Он сидел в кресле, и на коленях у него устроилась рыжая кошка (та самая, бесстыжая). Она мурлыкала так громко, что дрожали стёкла.

– Она вас выбрала, – заметила я.

– Да, – Зев осторожно гладил кошку. – Странно. Обычно животные меня избегают. А эти… эти совсем другие.

– Потому что они магические, – объяснила я. – Они чувствуют суть, а не ауру. А суть у вас хорошая.

– Откуда вы знаете?

– Я же ведьма, – улыбнулась я. – Я чувствую.

Зев посмотрел на меня долгим взглядом.

– Вы необыкновенная, Ярослава.

– Я обыкновенная, – смутилась я. – Просто…

Договорить я не успела, потому что в этот момент дверь распахнулась и влетел Когни.

– Хозяин! Хозяйка! Там такое! – заорал он. – Козёл! В подвале! Он…

– Что «он»? – насторожилась я.

– Он зомби поднял! – выпалил ворон. – Те два старых зомби, которые сто лет лежали без движения, вдруг встали и пошли за козлом! Они теперь ходят за ним по подвалу как привязанные! А козёл довольный!

Мы с Зевом переглянулись.

– Идём, – сказал он, осторожно снимая с коленей кошку.

Подвал оказался именно таким, как я и ожидала: тёмным, сыроватым и слегка жутковатым. Но сейчас жутковатость перевешивалась абсурдностью происходящего.

Посреди подвала стоял козёл. Обычный, с бородой и рогами. А за ним, как два верных телохранителя, двигались зомби. Древние, полуразложившиеся, с остатками одежды, которая когда-то была, видимо, ливреями. Они синхронно переставляли ноги, повторяя движения козла.

– Это… – начала я.

– Это Борис, – сказал Зев. – Того зомби, что слева, звали Борис. Он был дворецким до Мортимера. А справа – Клара, его жена. Они умерли почти одновременно лет двести назад и с тех пор просто лежали.

– А теперь?

– А теперь они ожили, – Зев смотрел на происходящее с нескрываемым изумлением. – Козёл их как-то активировал.

Козёл, заметив нас, повернул голову и издал довольное «ме-е-е». Зомби синхронно повернулись вслед за ним.

– Боже мой, – выдохнула я. – У меня козёл командует зомби.

– Похоже на то, – согласился Зев.

Мы стояли и смотрели на эту странную процессию. Козёл сделал круг по подвалу – зомби за ним. Козёл остановился – зомби замерли.

– Они слушаются его, – сказал Зев. – Как дрессированные.

– Я не дрессировала козла, – возразила я. – Я вообще его только кормила. Он из приюта. Его хозяйка умерла, и он остался один.

– Видимо, у него дар, – задумчиво сказал Зев. – К магии смерти. Редкое явление для животных.

Козёл снова «ме-е-е»кнул, и зомби сделали шаг вперёд, словно представляясь.

– Кажется, они хотят остаться с ним, – сказала я.

– Пусть остаются, – пожал плечами Зев. – Борис и Клара сто лет лежали без дела. Хоть какое-то занятие появится.

Мы поднялись наверх, оставив козла и его новую свиту в подвале. Когни летел следом и комментировал:

– Я такое видел! Я такое видел! Козёл-некромант! Это же сенсация! Надо рассказать сорокам! Воробьям! Всем!

– Когни, – остановила я. – Если ты расскажешь, завтра в замок приедут охотники за диковинками.

– О, точно, – ворон притих. – Не надо охотников. Тогда я только своим, проверенным. Воронам с соседнего кладбища. Они никому не скажут. Ну, почти никому.

Вечер мы закончили в гостиной, где к тому времени добавились ещё и призраки. Прасковья (та самая, с борщом) пришла познакомиться с животными и теперь парила над Нюхачем, который радостно вилял хвостом, пытаясь её поймать.

– А ничего так пёсик, – одобрительно сказала Прасковья. – Весёлый. А что это у него с хвостом?

– Не спрашивайте, – попросила я. – Я сама не знаю.

Зев сидел в кресле, окружённый кошками, и выглядел самым счастливым человеком (некромантом) на свете.

– Ярослава, – сказал он тихо, когда призраки отвлеклись на обсуждение новой жизни в замке. – Спасибо.

– За что?

– За всё, – он обвёл рукой комнату. – За этот шум. За эту жизнь. За то, что мой дом наконец-то стал домом.

Я посмотрела на него. На кошек, на Нюхача, на призраков, на Когни, который что-то нашёптывал филину (видимо, сплетничал). И вдруг поняла, что сама чувствую то же самое.

– Это и мой дом теперь, – сказала я. – Нам делить.

– Не надо делить, – улыбнулся Зев. – Надо просто жить.

Мы сидели у камина, и вокруг кипела жизнь – странная, нелепая, полная кошек, собак, призраков и одного козла-некроманта. И это было прекрасно.

…

Неделя пролетела как один день.

Я осваивалась в замке, привыкала к его обитателям и потихоньку наводила порядок в зверинце, который бабушка так щедро мне подарила. Козёл Борис по-прежнему командовал зомби в подвале (теперь он водил их на ежедневные прогулки по двору, что вызывало неизменный восторг у скелетов и лёгкую панику у ворон). Кошки оккупировали южное крыло и считали себя законными владелицами замка. Собаки носились по двору, путаясь под ногами у Бонни и Костика. Курицы несли чёрные яйца, которые Мортимер научился готовить так, что пальчики оближешь.

– Госпожа, – сказал он однажды утром, подавая завтрак. – Это яйцо от вашей трёхглазой. Оно светилось в темноте, когда я его нёс. Это нормально?

– Для неё – да, – успокоила я. – Если светится зелёным – можно есть. Если красным – лучше выбросить.

– А если синим?

– Синим? – я задумалась. – Синим оно ещё не светилось. Если увидите – позовите, это интересно.

Мортимер кивнул и удалился, записывая что-то в маленькую книжечку – кажется, он вёл кулинарный дневник.

Зев большую часть времени проводил в своём кабинете, работая. Некромантия, как оказалось, требовала не меньше бюрократии, чем любая другая государственная служба. Отчёты,

запросы, разрешения на захоронения, согласования с королевской канцелярией – я и не думала, что у повелителя мёртвых столько бумажной работы.

– Это всё король, – жаловался Зев за ужином. – Раньше некроманты делали что хотели. А теперь – отчитайся, подпиши, завери. Даже поднять скелета без разрешения нельзя.

– А вы поднимаете?

– Иногда, – он улыбался. – По старинке. Но в отчётах пишу, что всё по правилам.

Мы сближались. Незаметно, день за днём. Разговоры у камина становились длиннее, взгляды – теплее, паузы – уютнее. Я ловила себя на том, что жду вечера, когда мы снова сядем пить чай и обсуждать прошедший день. Он, кажется, тоже ждал.

Но идиллия не могла длиться вечно.

– Ярослава, – сказал Зев в пятницу утром, появляясь на пороге моей гостиной (теперь я называла её «своей», потому что кошки окончательно её оккупировали). – У нас проблема.

– Какая? – я отложила расчёску, которой пыталась причесать Нюхача (бесполезное занятие, его шерсть росла в хаотичном порядке).

– Завтра бал, – мрачно сообщил Зев. – У королевского наместника. Мы приглашены.

– Мы?

– Мы. Как муж и жена. Первый официальный выход в свет.

Я замерла. Бал. Светское мероприятие. Толпа незнакомых людей, которые будут пялиться на жену главного некроманта и перешёптываться за спиной.

– Зев, я не умею ходить на балы, – честно сказала я. – Я деревенская ведьма. Моё лучшее платье – то, в котором я призраков принимаю.

– У вас есть свадебное, – напомнил он.

– Оно слишком нарядное для бала? Или недостаточно? Я не знаю этих правил!

Зев подошёл ближе и взял меня за руку. Простое прикосновение, но почему-то сразу стало спокойнее.

– Ярослава, – сказал он тихо. – Вы будете там самой красивой. И неважно, что на вас надето. Но если хотите, мы можем съездить к портнихе. В городе есть отличная мастерица, она шьёт для всей знати.

– В городе? – переспросила я. – В Белых Камнях?

– Нет, в столице. Это недалеко, час лёту на карете.

Я задумалась. Столица. Там меня никто не знает. Там я не Ярослава-целительница, а просто жена некроманта. Может, это и к лучшему?

– Хорошо, – решилась я. – Едем к портнихе.

– Когни! – позвал Зев. – Карету!

Ворон, дремавший на люстре, встрепенулся.

– Куда летим?

– В столицу. К мадам Ирэн.

– О, – Когни оживился. – К мадам Ирэн! Это та, которая шьёт для вампирш? У которой вечно не хватает ткани, потому что её вороны тырят на гнёзда?

– Те самые вороны – твои знакомые? – подозрительно спросил Зев.

– Ну… может быть, – Когни сделал невинные глаза. – Но я тут ни при чём! Я вообще против воровства! Я только за… заимствование.

– Когни.

– Ладно-ладно, скажу им, чтобы не трогали ткань для хозяйки. Честное воронье!

Через полчаса мы уже мчались в столицу. Карета летела по дороге, лошади (полумёртвые, но резвые) стелились над землёй, а Когни сидел на облучке и перекрикивался с пролетающими мимо сороками.

– Сплетни собирает, – вздохнул Зев. – Потом неделю будет травить.

– А что говорят в городе? – спросила я. – О нас?

– О нас? – Зев задумался. – Не знаю. Я редко бываю в свете. Но, подозреваю, говорят много. Женитьба главного некроманта – событие не рядовое.

– И что говорят?

– Разное, – уклончиво ответил он. – Кто-то рад, кто-то не очень. Есть те, кто считает, что некромантам не место среди приличного общества.

– А вы что думаете?

– Я думаю, – он посмотрел мне в глаза, – что мне всё равно, что думают другие. Главное, что я думаю о вас.

Я смутилась и отвернулась к окну. За стеклом мелькали поля, перелески, деревеньки. Обычная жизнь, которая шла своим чередом, пока где-то в замке жил главный некромант с новой женой.

Мадам Ирэн оказалась женщиной лет пятидесяти, очень живой, с быстрыми глазами и вечно занятыми руками. Её ателье располагалось в центре столицы, в старинном особняке с высокими окнами.

– Вельзевул! – всплеснула она руками, когда мы вошли. – Сколько лет, сколько зим! А это, значит, та самая Ярослава?

– Та самая, – кивнул Зев. – Мадам Ирэн, нам нужно платье. На завтрашний бал.

– На завтра? – мадам Ирэн всплеснула руками уже сильнее. – Вы с ума сошли? За один день я могу только дошить то, что уже начато. Но если у вас есть что-то на примете…

– Есть, – Зев достал из-за пазухи свёрток. – Это платье моей матери. Оно старинное, но очень красивое. Может быть, вы сможете его подогнать по фигуре?

Мадам Ирэн развернула ткань. Я ахнула.

Платье было изумительным. Тёмно-синий бархат, расшитый серебряными звёздами, длинные рукава, глубокое декольте, шлейф. Оно выглядело как ночное небо, воплощённое в ткани.

– Это… – прошептала я.

– Платье моей матери, – повторил Зев. – Она надевала его всего раз, на свой первый бал. Потом спрятала и хранила всю жизнь. Я думаю, она была бы рада, если бы его надели вы.

– Оно бесценное, – сказала я. – Я не могу…

– Можете, – твёрдо сказал Зев. – Я хочу, чтобы вы его надели. Если, конечно, мадам Ирэн успеет подогнать.

– Успею, – мадам Ирэн уже снимала мерки. – Я всё успею. Даже спать не буду, но успею. Такое платье – это честь.

Остаток дня мы провели в столице. Зев показал мне королевский дворец (издалека), главную площадь и рынок, где торговали магическими артефактами.

– Здесь можно купить всё, – сказал он. – От любовного зелья до проклятия на соседа. Но я советую быть осторожнее: половина товаров – подделка.

– А вы часто здесь бываете?

– Раньше часто, – он улыбнулся. – Когда коллекционировал глазные яблоки. Тут есть один торговец, у него всегда свежий товар. Но потом я понял, что коллекция уже слишком большая, и перестал.

Я рассмеялась. С Зевом было легко. Удивительно легко, учитывая всю серьёзность его статуса и возраста.

К вечеру мы вернулись в замок. Мадам Ирэн обещала прислать платье с курьером к утру.

– Я волнуюсь, – призналась я Зеву за ужином. – Очень.

– Не надо, – он накрыл мою руку своей. – Просто будьте собой. Это лучшее, что можно сделать.

– А если я скажу что-то не то? Если опозорю вас перед всем светом?

– Ярослава, – Зев посмотрел мне в глаза. – Меня невозможно опозорить. Я некромант. Меня и так половина общества считает исчадием ада. Если вы случайно чихнёте не в ту сторону, это только добавит мне очков.

Я улыбнулась.

– Вы странный, Зев.

– Я знаю, – кивнул он. – Но вы всё ещё здесь. Значит, вам нравятся странные.

– Наверное, – согласилась я.

Утром платье привезли. Оно сидело идеально, словно было сшито специально для меня. Серебряные звёзды мерцали при каждом движении, бархат мягко облегал фигуру, шлейф струился за спиной.

– Красавица, – выдохнул Когни, заглянув в комнату. – Хозяин в обморок упадёт.

– Не упадёт, – отмахнулась я, но в душе приятно ёкнуло.

Волосы я уложила сама – простой пучок с несколькими локонами, выпущенными на плечи. Из украшений – только брошь Зева, та самая, фамильная. И обручальное кольцо.

– Готова? – спросил Зев, заходя в комнату.

Он замер на пороге. Смотрел долго, очень долго. Потом тихо сказал:

– Вы… вы как видение. Как сон.

– Спасибо, – я смутилась. – Вы тоже очень… элегантны.

Он был в чёрном фраке с серебряной вышивкой, идеально сидящем, с высоким воротником и запонками в виде черепов. Выглядел он потрясающе. Настоящий главный некромант.

– Едем? – спросила я.

– Едем, – кивнул он и подал мне руку.

Бал проходил в доме королевского наместника – огромном особняке в центре столицы. У входа толпились кареты, гости в нарядных платьях и костюмах переговаривались, обменивались любезностями и сплетнями.

Когда наша карета остановилась, я вдруг почувствовала, как дрожат колени.

– Страшно, – призналась я.

– Я рядом, – сказал Зев. – Всю дорогу.

Мы вошли.

Эффект был мгновенным. Разговоры стихли, головы повернулись, взгляды устремились на нас. Я чувствовала эти взгляды кожей – любопытные, оценивающие, недобрые, восхищённые.

– Вельзевул! – к нам подошёл пожилой мужчина в расшитом золотом камзоле. – Рад видеть! А это, надо полагать, ваша супруга?

– Моя жена, Ярослава, – представил Зев.

– Очень приятно, – я присела в реверансе, как учила бабушка.

– Какая прелесть! – мужчина (кажется, это и был наместник) поцеловал мне руку. – И откуда же вы, дорогая?

– Из Белых Камней, ваша светлость, – ответила я. – Я целительница.

– Целительница! – наместник удивился. – И как же вы познакомились с нашим уважаемым некромантом?

– По объявлению, – честно сказала я.

Повисла тишина. Потом наместник расхохотался.

– По объявлению! Прелестно! Просто прелестно! Вельзевул, вы гений! Так оригинально!

Зев улыбнулся своей тёплой улыбкой, но я заметила, как он сжал мою руку – поддерживая.

Дальше был вечер. Длинный, бесконечный вечер, полный знакомств, разговоров, танцев и бесконечных взглядов.

Ко мне подходили самые разные люди. Кто-то искренне хотел познакомиться, кто-то – просто поглазеть на жену некроманта, кто-то – отпустить язвительное замечание.

– Дорогая, и как вам живётся в этом… замке? – спросила одна дама, с ног до головы увешанная бриллиантами. – Не страшно?

– Нет, – спокойно ответила я. – Там очень уютно. И призраки не кусаются.

– Призраки? – дама побледнела.

– Ну да, – я улыбнулась самой невинной улыбкой. – Они у нас прямо в стенах живут. Очень милые. По ночам песни поют. Хотите, приезжайте в гости, послушаете?

Дама быстро ретировалась.

Зев, стоявший неподалёку с бокалом в руке, одобрительно подмигнул.

– Ловко вы её, – сказал он, подходя. – Теперь полгорода будет бояться к нам в гости напрашиваться.

– А я и не против, – улыбнулась я. – Мне и так хорошо.

Мы танцевали. Один танец, второй, третий. Зев оказался прекрасным танцором – лёгким, уверенным, ведущим. Я почти не смотрела под ноги, глядя ему в глаза.

– Ярослава, – сказал он тихо, когда музыка стихла. – Вы чудо.

– Я просто не наступила вам на ногу, – отшутилась я.

– Нет, – он покачал головой. – Вы – чудо. И я рад, что вы здесь. Со мной.

К концу вечера я устала так, что едва держалась на ногах. Но внутри было тепло и спокойно. Мы справились. Первый выход в свет прошёл успешно.

В карете по дороге домой я прислонилась головой к плечу Зева и закрыла глаза.

– Спасибо, – прошептала я.

– За что?

– За то, что были рядом.

– Всегда, – ответил он тихо. – Всегда.

Мы ехали в темноте, и я чувствовала его руку, обнимающую меня за плечи. И это было правильно. Так правильно, как ничего в моей жизни раньше.

А в замке нас ждали. Когни метался по гостиной, собирая сплетни от воронов, которых специально отправил на бал.

– Она сказала даме про призраков! – каркал он Мортимеру. – И та убежала! А они танцевали три раза! Три! Я считал! Это что-то значит!

– Когни, не шуми, – просил Мортимер, накрывая на стол. – Хозяин с госпожой устали.

– Но это же история! – не унимался ворон. – Это же сенсация! Я должен рассказать!

– Завтра расскажешь, – отрезал Мортимер. – А сейчас – чай и спать.

Когда мы вошли в замок, нас встретила тишина и накрытый стол в малой гостиной. Чай, булочки, варенье – всё, как мы любим.

– Мортимер постарался, – улыбнулась я.

– Он всегда старается, – кивнул Зев. – Особенно когда хочет, чтобы мы были счастливы.

Мы пили чай, окружённые кошками, собаками и одним филином на люстре. Нюхач устроился у ног Зева и посапывал. Рыжая кошка свернулась клубком у меня на коленях.

– Хорошо, – сказала я.

– Хорошо, – согласился Зев.

И это было правдой.

…

Я проснулась от странного звука.

Нет, не от скрежета в дверь и не от кудахтанья трёхглазой курицы. Это был звук, похожий на скрип несмазанной телеги, только выше тоном и как-то… ритмичнее.

Скрип-скрип. Пауза. Скрип-скрип.

– Что это? – спросила я в пространство.

Рыжая кошка, дремавшая в ногах, лениво открыла один глаз и тут же закрыла обратно – её это не касалось.

Я накинула халат и вышла в коридор. Скрип доносился из столовой. Я пошла на звук.

Картина, открывшаяся моим глазам, заставила меня замереть на пороге.

Мортимер пытался накрыть на завтрак. Но каждое его движение сопровождалось душераздирающим скрипом. Он поворачивал голову – скрип. Поднимал руку – скрип. Ставил тарелку на стол – скрип.

– Мортимер? – осторожно позвала я. – У вас всё хорошо?

Скелет обернулся. Скрип-скрип.

– Доброе утро, госпожа, – сказал он, и голос его звучал как-то… надтреснуто. – Простите за шум. Сегодня с утра что-то разболелись суставы.

– Разболелись? – я подошла ближе. – У скелетов?

– А вы думаете, у нас ничего не болит? – Мортимер вздохнул (скрипнул). – Ещё как болит. Особенно в сырую погоду. А вчера был бал, вы приехали поздно, я переволновался, видимо, простыл.

– Скелеты простужаются?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.